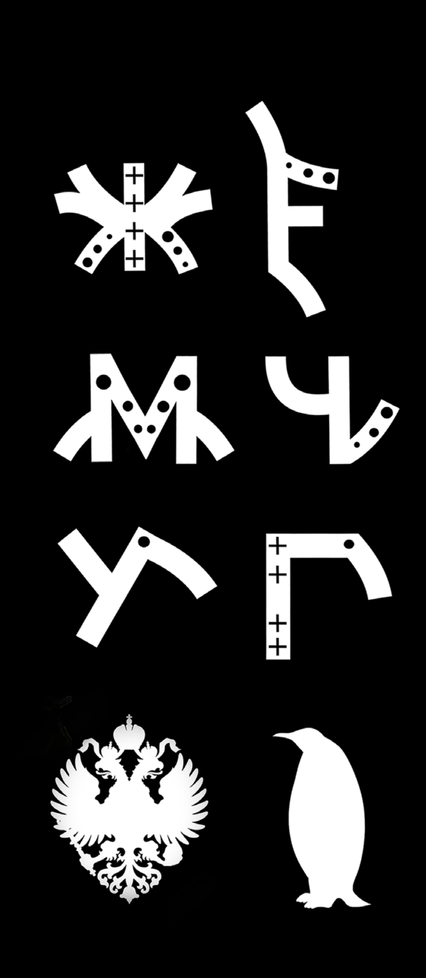

СОЧИНЕНИЕ
М. Р. СОВИНА

Утёсый человек застыл,
Волнится морюшком, веля:
Качайся, призрачный корабль
Летучей льдинкою, до поселения!

****

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ БЕЛОКАМЕННЫХ ЛЮДЕЙ.

Жемчуг ракушки, по которой пушистый, песошного цвету, всероссийский орёл, сомкнув изнеженно очи, будто гладился и легонько стучал своим тусклым клювом в глушённых светом покоях теремного дворца, — блестел лобызано жизнью, потому плетённые буквы и поросли рожками, гнущимися ушками и махающим хвостом.

От века к веку, холодные человеческие кроты взмывают, отбрасывая почву, и слепо разрывают седую человеческую травинушку, шелестящую властно; но и белесоватая махает со злобою, веля грозовому снегу опасть шумной и неутишимой метелью и улетучить пропавших.

Ив. Тургеневу приписывается осеннее свидетельство в 1881 году: "...Вы в Вашем романе не только совершенно верно разъясняете причину терроризма, но Вы одобряете политические убийства... Я же никогда никакое убийство не могу одобрить... Я так же оплакиваю царя, как оплакиваю его убийц... В Вашем романе меня интересовала лишь та часть, которая наглядно обрисовала безвыходное положение нашей несчастной молодежи... Вот это надо было высказать... И я охотно помог Вам высказать это...".

Мои современники, мы белеем вместе, как извивающаяся змейкой тутовая гусеница, и пятнимся родимыми пятнами чёрно; теперь покачивающийся, кудрявый и родовой дубок рассеянно смотрит на нас. Мы произвольно отделяли себя друг от друга в согласии с принятым воспитанием, которое наиболее ясно выражено в муках, потому что тот, кому больно, вопит — "мне больно!"; но мы можем принять всероссийское воспитание, которым бывшие всероссийские подданные рассеют россиян, улетучив деления на я и ты, мы и они; и когда оглаженный дубком всероссиянин заревёт, как медведь, — "всероссиянину больно!", тогда и отклик будет всероссийским.

Потому берегите нас, ведь мы есть вы, — всероссияне; и если вы разодрали и заклевали нас, всероссийские человеческие медвежата и воронята, — то останьтесь жить счастливо, родненькие всероссияне!

ВСТУПЛЕНИЕ.

Сочинение представляется в согласии с писателевым сожалением к судьбе всероссийских народов, живущих золотистой сыпью и мертвящихся пустотами; его замысел есть освятить лунным лучиком посеянный туман.

Максим Романович Совин точит темноватое, но острое вулканическое стекло мысли: всероссийские края сероваты и мучительны для всероссиян, но перелиться в буром цвету и со свирепостью человеческого медведя оттолкнуться от седого склону, свесив пасть в рёве, и двинуться стремительно и прямо скачками в воплощении беспорядка, в котором властная трава будет сорвана, — есть вредить всероссиянину, потому что они есть мы. М. Р. считает, что всероссиянин не должен убивать всероссиянина, нет тому исключения; потому в воплощении глубокой и насыщенной мечты хорошей жизни для всероссиянина нам следует заняться поселением в далёкий и пустующий край, неграничущий с всероссийскими пустотами, доныне синтенельские острова могут стать нашим гнёздышком; в нём бедные, ютящиеся в диких странах, одинокие всероссийские путешественники и войска всероссийских пустот вместе обретут тёпленькую и тропическую родину.

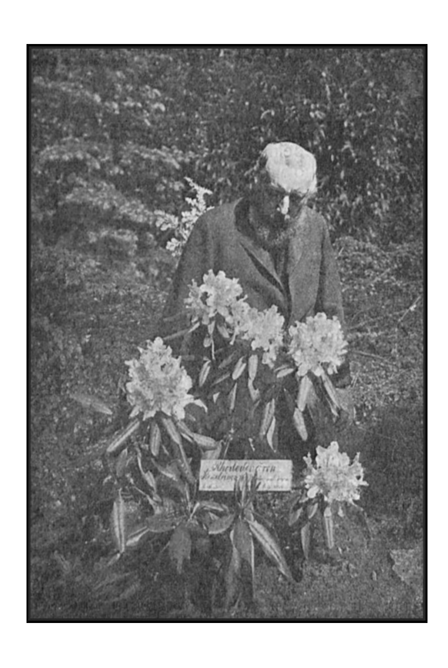
Потому плетённый пингвин, будто сжав клюв в прищуре, и присматривается к короне исчезнувшего орла — чёрный, золотистый и белесоватый живёт пустотами ледовитыми и южными: он изображает нас; воронитесь воровством, как щупающий призрачный жёлудь дуплистый бельчонок, и обогащайте нас, сочиняйте бело, как рвущий свои перья белёсый лебедёнок, и прославляйте нас, всероссияне: оставим шатоватую жиденькость и крепко воссоединимся, сжёгши наши вражду в зное далёкого края.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Но прежде, я подарю вам то, что было утрачено, — память о блестящем российском жемчуге, сведения о том, каким блестящим было хотя бы одно малое пёрышко нашего черновато пернящегося, блестяще клювого, вороного императорского орла!

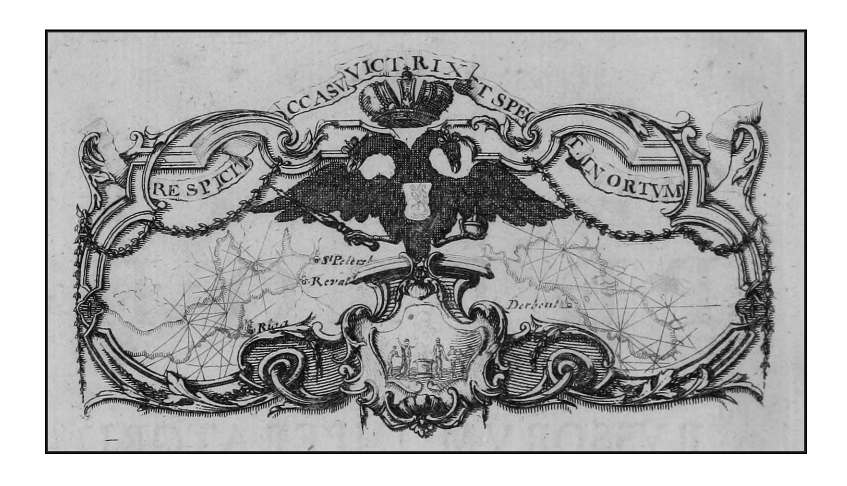
Во имя красоты, виды приводимых сочинений останутся подлинными их ныне странным источникам; перевод не отражает вид, потому следует отнестись к нему как к отдельному сочинению, ведь смысл, кой ценится переводом, некрасив, малоценен для нас, писателем поощряется обращение к подлинным сочинениям. Разделением подлинного и чужого сочинений служили четыре звёздочки, как и примечаниям, когда они были необходимы; разделением подлинных сочинений служила одна звёздочка; имена сочинителей выносились перед сочинениями.

Украшать наше сочинение призывается Эгберт Людвигович Вольф, главный садовник при Императорском Лесном Институте Петрополя, это зеленее и кудрей всего выраженного письмом.

ГРЁЗОВЫЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЁТР И ЛЕЙБНИЦЕВО СЛУЖЕНИЕ

— 1 —

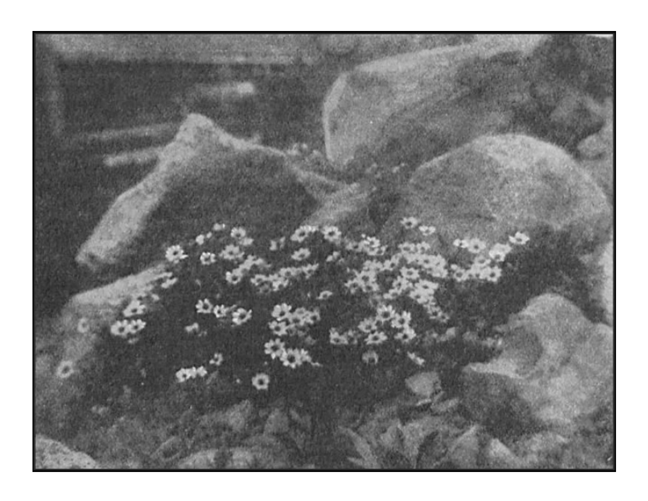
Краткий список блестящих почётных членов Императорской Академии:

I. Иоганн Вольфганг фон Гёте.
II. Бенджамин Франклин.
III. Альбер I, океанограф и Князь Монако.
IV. Луи Люсьен Бонапарт.
V. Шарль Люсьен Бонапарт.
VI. Фридрих Вильгельм II.
VII. Фердинандо Галиани, любимец Фридриха Вильгельма Ницше.
VIII. Теодор Моммзен.
IX. Луи Жан Мари Добантон, предшественник Петруса Кампера.
X. Карл фон Линней.
XI. Иоганн Фридрих Блюменбах.
XII. Густав III, король Швеции.
XIII. Христиан фон Вольф.
XIV. Карл Фридрих Гаусс.
XV. Вильгельм Вундт.
XVI. Жан Лерон Д’Аламбер.
XVII. Жорж Леопольд Кювье.
XVIII. Вольтер.
XIX. Вильгельм фон Гумбольдт.
XX. Жорж-Луи Леклерк де Бюффон.

Прусский королевский советник Христиан фон Вольф, гладивший мурлычащего, нежно трущегося своими головушками, всероссийского орла — был учителем как косолапой человеческой утке, с блестящей тёмно-зелёной шейкою, Александру Готтлибу Баумгартену, который привнёс в философию слово “AESTHETICA” в сто шестнадцатом пункте сочинения “Meditationes”, и подарил современный смысл понятию объективность, то есть свойство события независящее от субъективности познающего, встречавшееся в сочинениях “METAPHYSICA” и “INITIA PHILOSOPHIAE PRACTICAE PRIMAE ACROAMATICE” в склонениях формы “obiectivus”; так и всероссийскому всеуниженному и всеусерднейшему человеческому медведю Михайлу Ломоносову, раздиравшему на императорской цепи германцев. Тайный советник Всероссийской Империи Готтфрид Вильгельм фон Лейбниц и профессор Императорской Академии Наук Петрополя Леонард Эйлер остались застывшими человеческими столпами современных математических обозначений. Август Людвиг фон Шлёцер отдал Императорской Академии шесть лет жизни и привнёс слово “Semit” в сочинении “Allgemeine Nordische Geschichte”. Лунный астроном Иммануил Кант, писавший о человеческом скоте — “Hausvieh”, и о гнутых человеческих деревьицах — “...aus so krummem Holze...”, был хозяином германских слуг и подданным Всероссийской Империи; род Кантов слился с родом Лермонтовых.

Эти малые сведения о самых ярких умах Европы, переплетённых с Всероссийской Империей, — исчерпывающи для отражения наших уз.

*

Готтфрид Вильгельм фон Лейбниц разработал план устройства Королевской Академии Наук в Берлине. После 25 лет борьбы за её воплощение, 1700 года июля месяца 11 дня Фридрих III основал Берлинскую Академию Наук, и фон Лейбниц стал её первым президентом, чему свидетельствует отрывок письма 1710 года декабря месяца 10 дня фон Лейбница кронпринцессе Софье Доротее:

ADOLF VON HARNACK. GESCHICHTE DER KÖNIGLICH PREUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN ZU BERLIN.

"...Vous savés, Madame, que j'ay l'honneur d'être President de la Societé Royale des Sciences de Berlin, depuis sa fondation…".

* * * *

"...Как Вы знаете, Мадам, что я имею честь быть Президентом Королевского Научного Общества в Берлине с момента его основания…".

Позже фон Лейбниц положит начало устройствам Императорской Академии Наук Петрополя и Академии Венской, но до тех же пор, в 1696 году он жаловался письмом своему другу Иову Людольфу, сочинителю первой эфиопской грамматики, на то, что всероссияне упорно отказываются разрешить миссионерам путешествовать в Китай через их страну, и продолжил:

ERNST EDUARD KUNIK. BRIEFE VON CHRISTIAN WOLFF AUS DEN JAHREN 1719-1753.

"...Man muss hoffen, dass sie allmählig freundlicher werden. Wenn doch Jemand wäre, der das bei ihnen ausrichtete, was Du bei den Aethiopen. Wenn die so mächtige Wucht jenes Reiches nach den Sitten des civilisirteren Europa's würde regiert werden, so würde das Christenthum grösseren Nutzen daraus ziehen. Doch es ist Hoffnung da, dass die Russen allmählig erwachen. Es ist gewiss, dass der Czar Peter die Mängel der Seinigen einsieht; möchte er ihre Rohheit allmählig tilgen. Er soll lebhaften Geistes sein, aber etwas zu hitzig…".

* * * *

— 4 —

“...Нужно надеяться, что постепенно они станут дружелюбнее. Если бы только кто-нибудь мог сделать для них то, что Вы сделали для эфиопов. Если бы могущественная держава этой империи управлялась в соответствии с обычаями более цивилизованной Европы, христианство извлекло бы из неё большую пользу. Но есть надежда, что россияне постепенно пробудятся. Несомненно, царь Петр осознаёт недостатки своего народа; пусть он постепенно искореняет их грубость. Говорят, что он жив духом, но немного излишне вспыльчив…”.

*

§ I. ИЗВЕСТИЕ О ПУТЕШЕСТВИИ ПЕТРА ИНКОГНИТО.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО ФОН ЛЕЙБНИЦА 1697 ГОДА МАЯ МЕСЯЦА 31 ДНЯ.

"...Pour ce qui est du Czaar, on continue à Königsberg selon les dernières relations de luy faire tous les honneurs imaginables, autant que l'incognito en peut souffrir. L'Electeur le traita dans une maison de plaisance. Ceux qui mangèrent avec luy furent l'Electeur, le Marggrave, le Prince de Holstein-Beck, le Grand Président, le Commissaire de Guerre son frère, et quelques peu d'autres. Le Czar fut fort gay et parla très familièrement avec tout le monde. Il témoigna d'approuver la douceur, dont on en use dans ces pays et de désapprouver les cruautés du sien. Il se promena quelques heures dans le jardin avec l'Electeur. Entendant certains haubois, il se mit a jouer et on reconnut, qu'il en avoit appris quelque chose. Il battit aussi le tambour mieux, que ne fit à Wolfenbutel Mr. le Comte de Kniphauson. Sa curiosité est grande, aussi bien que sa vivacité, qui l'empêche de s'arrester. C'est pourquoy on a eu toutes les peines du monde à le faire peindre, on y a réussi pourtant à la fin et le tableau ressemble assez. Un de ses gentilshommes ayant fait une faute assez lourde, il luy dit, si nous étions en Moscovie, vous auriez le Knut, icy nous sommes dans un pays de douceur, je vous pardonne. Enfin ses trois Ambassadeurs arrivèrent. On conclut dans le conseil, qu'on ne pourroit faire trop d'honneur à cette Ambassade, puisque le Czar quoique incognito estoit présent. Les ambassadeurs sont le Général le Fort, le Commissaire Général de Guerre et le Chancelier de l'Empire. Le premier passe pour le favori. Il est natif de Genève et fort magnifique. C'est luy, qui a mis dans la tête du Czar ses desseins de voyage et de réforme. Mr. le Fort boit en héros, personne luy sçauroit tenir tête. On appréhende, qu'il ne fasse crever quelque courtisan de l'Electeur. Commençant le soir, il ne quitte la pipe et le verres que trois heures après le soleil levé. Cependant c'est un homme d'un grand esprit. Les deux Moscovites ses collégues sont bien plus reservés. L'Electeur dit au Czar, qu'il auroit de la peine à s'empêcher de rire, quand dans l'audience il faudroit demander aux Ambassadeurs selon la coustume comment se porte le Czar, et s'ils l'ont laissé en bonne santé. Il fut luy même à la fenestre avec l'Electeur, pour voir leur entrée, qui fut très magnifique et le Czar en fut très satisfait...".

* * * *

— 6 —

“...Что касается Царя, то, судя по последним сообщениям из Кёнигсберга, ему продолжают оказывать все мыслимые почести, насколько это возможно инкогнито. Курфюрст угощал его в блестящем загородном доме — maison de plaisance. Вместе с ним обедали курфюрст, маркграф, принц Гольштейн-Бекский, великий президент, его брат, военный комиссар, и некоторые другие. Царь был очень весел и со всеми разговаривал очень приветливо. Он демонстрировал своё одобрение мягкости, применяемой в этих странах, и неодобрение жестокости в своей собственной. Несколько часов он провёл в саду с курфюрстом. Услышав гобои, он начал играть, и было заметно, что он чему-то научился у них. Он также играл на тамбуре лучше, чем граф Книпхаусон в Вольфенбюттеле. Его любопытство велико, как и его живость, которая не позволяет ему остановиться. Поэтому нам стоило большого труда нарисовать его, но в конце концов нам это удалось, и картина получилась очень похожей. Один из его кавалеров, допустив довольно серьёзную ошибку, услышал от него: если бы мы были в Московии, ты получил бы кнута, а здесь мы в нежной стране, я тебя прощаю. Наконец прибыли три его посла. Совет пришёл к выводу, что нельзя оказывать слишком много чести этому посольству, поскольку Царь, хотя и инкогнито, присутствовал на нём. Послами стали генерал Лефорт, генеральный комиссар и канцлер империи. Первый считается фаворитом. Он уроженец Женевы и очень красив. Именно он вложил в голову Царя свои планы путешествий и реформ. Господин Лефорт пьёт как витязь, никто не может ему противостоять. Боятся, что из-за него умрёт кто-то из придворных курфюрста. Начиная с вечера, он не расстаётся с трубкой и бокалом до трёх часов после восхода солнца. Тем не менее, это человек большого духа. Два его коллеги-москвича гораздо более сдержанны. Курфюрст сказал Царю, что ему будет трудно удержаться от смеха, когда во время аудиенции ему придётся по обычаю спрашивать послов, как поживает Царь и в добром ли здоровье они его оставили. Сам он вместе с курфюрстом подошел к окну, чтобы посмотреть на их вход, который был великолепен, и царь был очень доволен…”.

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

Большая часть писем фон Лейбница написана на французском языке, это свидетельство ценно, потому что с него начинается счёт закладываемых кирпичиков в сооружение Императорской Академии Наук, или, как выразился академический советник Христиан Гольдбах в первом издании записок Императорской Академии, задуманных Петром как ежегодные публичные разговоры членов Академии из своих наук, для чужестранной забавы, что описано в приложении к указу 1724 года января месяца 28 дня: “...arbor peregre transplantata, sed tempore opus habet et cultura soli, ut radices agat atque interram insinuet, antequam efflorescat et fructus ipsa suos carpentibus commendare possit…”, — счёт чужестранного дерева, пересаживаемого по разветвившимся корням.
При обращении письмами к Петру, фон Лейбниц писал на немецком и чередовал формы “Czaar” и “Zaar”, его самым частым эпитетом было слово “Allerdurchlauchtigster” — светлейший.

*

§ II. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ ПЕТРА В ГОЛЛАНДИЮ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ОТРЫВОК ПИСЬМА 1697 ГОДА ФОН ЛЕЙБНИЦА СПАРВЕНФЕЛЬДУ.

“...Le Tzar de Moscovie s'est arrêté en Hollande assez longtemps et s'y arrestera jusqu'a ce que son vaisseau soit achevé, où il travaille de sa propre main. Sa maxime est de vouloir apprendre le détail et il a passé par tous les dégrés militaires dans ses propres trouppes ayant fait le service effectif. Il veut de même apprendre la structure des vaisseaux depuis la qualité de garçon jusqu'a celle d'architecte. Son intention est louable…”.

* * * *

“...Царь Московии надолго остановился в Голландии и останется там до тех пор, пока не будет закончен его корабль, над которым он работает собственными руками. Его максима — есть желание изучить все детали, и он прошёл через все военные чины в своих войсках, пройдя эффективную службу. Таким же образом он хочет и изучить устройство кораблей, пройдя путь от матроса до кораблестроителя. Его намерения похвальны…”.

*

§ III. ИЗВЕСТИЕ О СНОШЕНИИ ПЕТРА С ГОЛЛАНДСКОЙ КРЕСТЬЯНКОЙ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ФРАГМЕНТ ПИСЬМА 1697 ГОДА НОЯБРЯ МЕСЯЦА 27 ДНЯ НЕИЗВЕСТНОГО СОЧИНИТЕЛЯ, СКОПИРОВАННЫЙ РУКОЙ ЛЕЙБНИЦА.

"...Mr. l'Ambassadeur de Steinberg avait avec lui Mr. le baron de Hagen, qui a esté au service de six ducs de Saxe, j'ai eu l'honneur de les voir à Laer. On y louoit hautement le jugement solide du grand duc de Moscovie et son adresse à fabriquer des vaisseaux, en quoy il a tant avancé, qu'il est parmy les maistres charpentiers le second en rang et en gage. Il prétend tirer des grands avantages, de cette science et fait entendre de vouloir joindre le Volga avec la mer de Zabache, appelée autrement Palus Maeotis, pour attaquer les Turcs de ce côté là…
…Le Tsar a trouvé une paysanne à Sardam qu'il trouve à son gré et où il va seul en sa barque faire l'amour les jours de repos à l'exemple d'Hercule, m'ais s'il file comme ce héros auprès de sa maistresse, c'est ce que je ne sçay point. On tient qu'après avoir vu les beautés du monde poli il en pourroit choisir une, car on dit qu'il n'aime guères la Tsarisse sa femme…".

* * * *

"...Господин посол де Штейнберг сопровождал барона де Хагена, который служил шести герцогам Саксонии, и я имел честь видеть их в Ларе. Они высоко оценили здравый ум Великого Князя Московии и его мастерство в строительстве кораблей, в котором он достиг таких успехов, что стал вторым среди мастеров-корабельщиков по рангу и значению. Он утверждает, что извлекает из этих знаний огромную выгоду, и говорит, что хочет соединить Волгу с Гнилым морем, чтобы напасть на турок с этой стороны.
Царь нашел в Саардаме крестьянку, которая пришлась ему по вкусу, с которой он отправляется один на свою лодку, чтобы в дни отдыха заниматься любовью по примеру Геракла, но занимается ли он любовью, как этот герой, со своей любовницей, я не знаю. Говорят, что, насмотревшись на красавиц вежливого мира, он мог бы выбрать одну, так как, по слухам, ему не очень нравится его жена-царица…".

*

§ IV. ИЗВЕСТИЕ О ЛЕЙБНИЦЕВОМ ПРОШЕНИИ УТОЧНЕНИЙ К РОДОСЛОВНОЙ ПЕТРА, КОЮ ГОТТФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ НАЧАЛ САМОЛИЧНО.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО 1697 ГОДА ФОН ЛЕЙБНИЦА К ЛЕФОРТУ.

"...Mr.! Je ne sçay si V. Ex. aura le loisir de donner un moment d'attention à mes souhaits, dont peut être un gentilhomme de la cour Electorale d'Hannover luy aura déjà donné quelque information de ma part. Mes recherches sont fort étendues. L'Empereur, l'Electeur de Brandebourg et d'autres, puissances les ont souvent favorisées. Celle que je fais présentement ne déplaira peut être pas à la M. du Czar. Je désire plusieurs connaissances, qui regardent ses états. Je n'en toucherai que deux. Premièrement, j'ai un arbre Généalogique Manuscrit des ançestres et de la famille du Czar, mais il en faudrait avoir des assurances et des éclaircissements. Secondement: Je demande des échantillons des langues de toutes les nations, qui sont soumises au Tzar et trafiquent dans ses Etats jusqu'a la Perse, aux Indes et à la Chine. J'entends les langues entièrement différentes de la Russienne et pour avoir des échantillons de ces langues, je crois qu'il seroit à propos d'y avoir des traductions du pater noster et une liste de quelques mots des plus ordinaires selon le langage de chacun de ces peuples.
J'attends de semblables informations de la Chine même et comme les Grands Etats du Tzar joignent la Chine avec nous et embrassent presque tout le Nord, on connaitra mieux par ce moyen une grande partie du globe terrestre. Et puisque aussi les origines des nations ne paroissent mieux que par les langues, on apprendra par ce moyen de quels endroits des pays du Tzar les Huns, Hongrois et autres peuples sont sortis.
Mais je m'expliquerai plus distinctement si V. Ex. me pourroit entendre en particulier sur ces matières, qui peut estre ne seront pas desagréables, et qui tendent a exalter et célébrer la grandeur du Tzar son maistre...".

* * * *

“...Господин! Не знаю, найдется ли у Вашего Высокопревосходительства время уделить внимание моим пожеланиям, о которых, возможно, господин из ганноверского избирательного суда уже сообщил от моего имени. Мои изыскания весьма обширны. Император, курфюрст Бранденбургский и другие державцы часто благоволили им. То, что я делаю сейчас, возможно, не вызовет недовольства Его Царского Величества. Я хотел бы узнать несколько вещей о положениях Его Величества. Я коснусь только двух. Во-первых, у меня есть рукописная родословная предков и семьи Царя, но я нуждаюсь в заверениях и уточнениях. Во-вторых: я хотел бы получить образцы языков всех народов, подвластных Царю и торгующих в его краях вплоть до Персии, Индий и Китая. Я слышал о языках совершенно отличных от российского, и для того, чтобы иметь образцы этих языков, я думаю, было бы уместно иметь переводы “Отче Наш” и список некоторых наиболее распространённых слов в соответствии с языком каждого из этих народов. Я ожидаю аналогичных сведений из самого Китая, а поскольку Великие края Царя прилегают к Китаю и охватывают почти весь Север, это позволит нам лучше понять большую часть земного шара. И поскольку происхождение народов лучше всего раскрывается по их языкам, то мы узнаем таким образом, из каких частей Царских Земель происходят гунны, венгры и другие народы.
Но я объяснюсь яснее, если Ваше Высокородие могло бы выслушать меня в особенности по этим предметам, которые, может быть, не будут неприятны и которые имеют тягу возвеличивать и прославлять Величие Царя, Его Господина…”.

*

§ V. ИЗВЕСТИЕ О ЛЕЙБНИЦЕВОМ ПЛАНЕ ДЛЯ РОССИЮШКИ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

СОЧИНЕНИЕ 1697 ГОДА ФОН ЛЕЙБНИЦА ДЛЯ ЛЕФОРТА.

"...Je ne voy point, comment un Grand Prince puisse former un plus beau dessein que celui de rendre ses états fleurissans et de cultiver en perfection la plantation, que Dieu luy a confiée. Le Grand Tzar des Russes fait voir l'élévation extraordinaire de son Génie et de son courage héroique non seulement dans les affaires de guerre, mais encore dans le gouvernement en formant et en exécutant des projets, où pas un de ses prédécesseurs a osé penser avec effet. Il vamême au de là du besoin de son propre pays et non content de donner à ses peuples les perfections, qui leur manquoient, il songe au bien général de la Chrestienté en animant les autres contre l'ennemi commun par une Ambassade des plus solennelles et en les assistant par des grandes forces, avec beaucoup de succés. Ce qui est d'autant plus considérable, que le besoin est pressant et qu'il y a lieu de croire, que sans cette diversión nos affaires en Hongrie auroient pris un mauvais pli. Ainsi nous avons sujet de prier Dieu, qu'il conserve ce Grand Prince, qui est encore dans la fleur de son âge, pour achever ce qu'il a commencé si glorieusement. Et l'évènement surprenant de l'Election de Pologne nous donne des grandes espérances, que Dieu s'est proposé d'humilier les Ottomanes et de faire chasser le Mahometisme au moins de l'Europe.

Il semble encore que c'est une fatalité singulière, ou plustost un coup de la Providence, qu'en même temps dans le Nord, dans l'Est et dans le Sud, les trois plus grands Monarques ont des intentions semblables et toutes fort singulières. Car outre le Tzar Pieter Alexiewiecz souverain Seigneur des Russes et presque de tout le Nord nous apprenons, que Cam-hi Amalogdo-Chan, Monarque de la Chine et des Tartares les plus orientaux et Jasok Adjam-Saugbed, roy des Abyssins, qui a fait aussi des grandes conquêtes sur ses voisins barbares sont tous conçu des desseins, qui surpassent de beaucoup ceux de leurs ancestres, comme nous apprenons tant par les relations nouvelles de la Chine, où le Christianisme vient d'être autorisé et appuyé d'un édit du Roy, que par l'ambassade des Abyssins à Batavie en 1692. Le Tzar et Roy des Abyssins sont chrétiens tous deux, ennemis et frontiers du Turc, quoique bien éloignés l'un de l'autre. Mais le Tzar et le Monarque des Chinois sont frontiers entre eux et tous deux merveilleusement porté a attirer dans leur pays les sciences, les arts et les bonnes manières particulièrement

de nostre Europe, et ils se peuvent prester la main et obliger mutuellement à cet égard.

Je ne veux parler présentement que de ce qui sert à cette intention, laissant à part ce qui regarde l'Estat, la Guerre et le commerce avec la navigation; quoique en effet rien ne soit plus important pour tous ces points que les sciences et les arts. Il semble que pour les transplanter dans la Russie, conformément à l'intention du Czar, il sera bon de charger exprès certaines personnes de ce soin et de former un projet général, qui consiste en ces deux chefs: attirer ce qu'il y a de bon chez les étrangers, tout autant qu'on peut avoir d'hommes excellens et intelligens et des choses rares et utiles; et il faut cultiver chez soy les hommes et le pays et ce qui en dépend.
On peut cultiver les hommes tout en les faisant voyager, qu'en les instruisant chez soy. Et on peut cultiver le pays en prenant une connoissance exacte de ce qu'il a et qu'il n'a pas, et en songeant à suppléer ce qui luy manque. Ainsi voicy quelques Articles qui comprennent tout ce qu'il y à faire.

1. Former un établissement général pour les sciences et arts.
2. Attirer des étrangers capables.
3. Faire venir des choses étrangères qui le méritent.
4. Faire voyager des sujets avec les précautions convenables.
5. Instruire les peuples chez eux.
6. Dresser des relations exactes du pays pour connoistre ses besoins.
7. Suppléer à ce qui lui manque.

Il sera peut-être bon de dire quelques mots sur chacun de ses articles.
Premièrement. L'établissement général demande un projet général des personnes choisis pour l'exécution et un fonds convenable. Le projet seroit une description ample des choses à faire, dont ce qui se dit icy n'est qu'un petit commencement. Les personnes choisies, sur tout les principales devroient être fort versées dans les sciences et arts, d'un genie élevé, au dessus de l'interest cherchant plustot la gloire que le gain, appliquées et actives et qui ayent beaucoup de correspondances et de connaissance. Quant aux fonds, la quantité et la maniere dépend entièrement du bon plaisir du Czar. Cependant il sera bon de se souvenir, que le temps est la précieuse de toutes les choses du monde, qu'on ne sauroit acheter trop cher, et qu'ainsi il vaut mieux faire les choses d'abord avec vigueur, que de les faire trais-ner longtemps par une trop grande épargne. Puis le delay peut faire naitre mille obstacles outre qu'en différant trop, ce ne serait pas nous mais nostre posterité, qui en goustera les fruits.

Secondement, pour attirer les étrangers, il faut revoquer ou modifier les loix, qui les peuvent rebuter ou degouster et particulièrement celle, qui les empêche d'entrer et de sortir librement. Car si on les traite bien, pour un qui sortira, ils en viendront dix autres. Il faut leur accorder certains privilèges et avantages et mettre ordre tant pour les postes et voitures pour amener ou ramener eux ou leurs meubles et hardes, qu'à l'égard de leurs habitations, subsistance, justice, police et négoce. Et il faudra délibérer, s'il ne seroit à propos de leur assigner particulièrement certains endroits pour y faire des colonies.

Troisièmement. Les choses étrangères qu'on pourroit faire venir, seront des livres et instructions sur toute sorte de matières, des curiosités, rarités et belles choses, qu'on peut propager ou imiter dans le pays. Ainsi il faudra des bibliothèques, boutiques de libraires et imprimeries, des cabinets de raretés de la nature et de l'art, des jardins des simples et ménageries, des animaux, des magazins de toute sorte de matériaux et des officines de toute sorte de travaux. Les livres tant imprimés que manuscrits contiennent un trésor de la connaissance humaine sur toute sorte de sujets, puisque par le moyen de l'écriture et particulièrement de l'impression les connaissances sont fixées et transmises des uns aux autres et même à la postérité. Ainsi il n'y faut rien négliger, la mémoire des hommes ne pouvant fournir à tout sans ce secours.
Les cabinets doivent contenir toutes les choses considérables qui se peuvent mettre en petit volume et les échantillons des choses rares de la nature et de l'art. Et quant à la nature il y faut particulièrement des pierres, métaux, minéraux, plantes vives ou imitées, animaux sèches ou embaumés, esquelettes, peintures et autres imitations de ce dont on ne peut avoir l'original.

Les raretés de l'art peuvent être des dessins, modèles et essais de toute sorte de belles inventions, des instruments de mathématique, tuyaux, miroirs, verres, horloges, tableaux, statues et autres sculptures, médailles et autres antiquités, en un mot tout ce qui peut instruire et plaire; outre les choses qui se peuvent enfermer dans des cabinets, il faudra, pour avoir les choses en grand, qu'on fasse dresser des jardins pour avoir toute sorte de plantes, fleurs, herbes et arbres, que le pays peut souffrir avec des orangeries et autres moyens propres à les conserver en hyver. Il faut aussi des nageries et viviers, étangs et volières pour avoir de toute sorte de bestes, oiseaux et poissons. Et il faut chercher de propager dans le pays les plantes et animaux qui y sont propres. Les magazins contiendront quantité d'autres drogues et matériaux bien arrangés et bien soignés. Et enfin il y aura en grand des observatoires, des moulins, boutiques, officines et maisons de travail, qui contiendront toutes sortes de machines et inventions mises effectivement en exécution.

Quatrièmement. Les voyages des Russes peuvent être de curiosité et de commerce ou employ. Les voyages de curiosité conviennent tant aux seigneurs qu'aux artisans, qui veulent se perfectionner. Il est vray, que ceux cy en auront moins besoin, s'ils sont bien instruits chez eux. On ne laissera pas d'en faire voyager quelques uns de temps en temps. Les voyages d'employ comme ceux des ambassades sont d'une autre espèce; ceux de commerce sont tant par mer que par terre, par mer en naviguant aux terres voisines ou eloignées, soit sur des vaisseaux des étrangers ou dans les leurs, détachés ou par escadres et flottes, pour un simple négoce ou pour faire des établissements et colonies; par terre on voyage chacun à part ou par caravanes, dans l'Europe, dans la Perse et Indes ou dans le Cathay. En tout ceci il faut avoir grand soin que les vertus et avantages des pays étrangers soyent apportés sans le mélange de leurs vices, autant qu'il se peut. Afin qu'on ne prenne point de mauvaises habitudes ny des maximes pernicieuses, contraires à la piété due à Dieu et à l'obéissance due au Monarque.

Cinquièmement. L'instruction des peuples chez soi consiste dans la fondation des écoles et Académies tant de sciences et arts que des exercices. A quoy il faut faire un choix de bons informateurs, qui ayent soin de mener les enfans et la jeunesse à la vertu aussi bien qu'a la science. Il faudroit pour cela leur donner des instructions, faire faire des livres exprès pour leur usage et pour celui des écoliers, procurer des livres, instruments et occasions de les exercer. Il sera bon aussi que ceux qui doivent devenir sçavans apprennent l'histoire, les mathématiques et langues, particulièrement l'hébreux, le latin, le Grec et le Teutonic, mais surtout le latin, qui contient maintenant.

Sixièmement. La connaissance exacte du pays consiste à en faire faire des cartes, faire marquer les langues et coustumes et à quoy les hommes traillent, examiner ce que le pays porte et ce qu'il pourroit porter. Pour faire les cartes il faudroit envoyer des ingénieurs, observer les hauteurs, longitudes et variations de l'aimant, reconnoistre les côtes sur tout dans le Nordest autant qu'il se peut, pour apprendre si l'Asie est jointe à l'Amérique, ou si on peut passer entre eux faire marquer les moindres rivières et autres limites naturelles, la qualité du terrain, la multitude des hommes. Sous les coustumes des hommes on peut comprendre leur langue, leur religion et police et à quoy ils s'occupent, le soin principal devant être de les tirer de la bestise, impiété et fainéantise; et quant au pays même, les registres des douanes peuvent servir à apprendre ce qu'il porte, mais il faut encor examiner ce qu'il pourroit porter, s'il étoit employé comme il faut et si les hommes étoient industrieux; ce qui se peut juger par le terrain, par le climat, par les animaux et plantes qui luy sont naturels, par ce qui se fait chez les voisins et par certaines épreuves propres à s'instruire là dessus.

Septièmement. Ainsi pour suppléer ce qui manque au pays on peut faire semer des grains et autres herbes, planter des bons arbres, transporter des animaux pour les y faire multiplier, ouvrir des mines des métaux et minéraux, faire faire des verreries, forges et autres officines, instruire les hommes des provinces éloignées à bâtir, à garder la police, à cultiver la terre, à avoir des troupeaux des animaux, à s'occuper à des travaux utiles, faire faire des canaux pour le transport des denrées et pour le desséchement des marais. Enfin mettre ordre à toutes sortes de bonnes entreprises qui se practiquent ailleurs et qui se peuvent imiter et même perfectionner. Mais comme tout cela ne se sçauroit faire également à la fois, on tâchera de faire les choses par ordre et d'embrasser et pousser le meilleur avec toute la vigueur possible…".

* * * *

"...Я не вижу, как Великий Князь может составить более прекрасный план, чем тот, что заставит его края процветать и возделывать до совершенства плантацию, которую Бог ему доверил. Великий Российский Царь демонстрирует необычайную высоту своего гения и героическое мужество не только в военном деле, но и в управлении государством, разрабатывая и осуществляя проекты, о которых не осмеливался думать ни один из его предшественников. Он даже не ограничивался нуждами своей страны и, не довольствуясь тем, что давал своим народам недостающие им совершенства, думал об общем благе христианства, воодушевляя остальных против общего врага самым торжественным посольством и помогая им великими силами, с большим успехом. Это тем более важно, что необходимость в этом настоятельна, и есть основания полагать, что без этого отвлечения наши дела в Венгрии приняли бы дурной оборот. Поэтому у нас есть основания молить Бога сохранить этого великого князя, находящегося еще в расцвете сил, для завершения того, что он так славно начал. А удивительное событие избрания курфюрста Саксонии в Польше даёт нам большую надежду на то, что Бог намерен унизить османов и изгнать магометанство, по крайней мере, из Европы.

Необычной судьбой или, скорее, ударом Провидения является и то, что одновременно на Севере, на Востоке и на Юге три величайших монарха имеют схожие и весьма необычные намерения. Ведь помимо Царя Петра Алексеевича, Государя Россиян и почти всего Севера, мы узнаем, что монарх Китая и самых восточных татар, и король эфиопов, который также совершил великие завоевания над своими соседями-варварами, —

все они имеют замыслы, которые намного превосходят замыслы их предков, о чём мы узнаём как из новых сообщений из Китая, где христианство только что было разрешено и поддержано эдиктом короля, так и от эфиопских посланников в Батавию в 1692 году. Царь и король эфиопов — оба христиане, враги и пограничники турок, хотя и далеко друг от друга. Но Царь и монарх китайцев — граничат между собой, и оба они замечательно склонны привлекать в свою страну науки, искусства и добрые нравы, особенно из нашей Европы, и могут протянуть руку помощи и обязать друг друга в этом отношении.

Я хочу говорить только о том, что служит этой цели, оставляя в стороне то, что касается государства, войны и торговли с мореплаванием; хотя, в сущности, для всех этих пунктов нет ничего важнее, чем наука и искусства. Кажется, чтобы пересадить их в Россию, согласно намерению царя, хорошо было бы поручить это определённым людям и составить общий проект, который состоит из этих двух пунктов: привлечь к себе всё хорошее от иностранцев, столько отличных и умных людей и редких и полезных вещей, сколько мы можем получить; и возделывать народ, страну, и всё, что от них зависит.
Людей можно окультурить, заставляя их путешествовать, а также обучая их дома. А культивировать страну можно, точно зная, что у нее есть и чего нет, и думая о том, как восполнить то, чего ей не хватает. Итак, вот несколько пунктов, которые охватывают всё, что нужно сделать.

1. Создать общее учреждение для наук и искусств.
2. Привлечь способных иностранцев.
3. Привнести иностранные вещи, которые этого заслуживают.
4. Заставить подданных путешествовать с соответствующими мерами предосторожности.
5. Обучать людей на дому.
6. Составить точные отчёты о стране, чтобы понять её потребности.
7. Восполнить то, чего ей не хватает.

Возможно, будет полезно сказать несколько слов о каждом из этих пунктов.

Во-первых. Для общего учреждения необходим общий проект, составленный лицами, изобранными для его исполнения, и соответствующий фонд. Проект должен представлять собой полное описание того, что должно быть сделано, так что то, что сказано здесь, является лишь малым началом его.

Изобранные люди, из всех главных, должны быть хорошо осведомлены в науках и искусствах, обладать высшим гением, быть выше наживы и искать славы, а не выгоды, быть усердными и деятельными, иметь большую переписку и большие знания. Что касается средств, то их количество и порядок зависят исключительно от благоволения Царя. Однако следует помнить, что время — самая ценная из всех вещей в мире, что его невозможно купить по слишком высокой цене, и что поэтому лучше сначала энергично взяться за дело, чем долго его оттягивать, слишком много экономя. Промедление может создать тысячу препятствий, а кроме того, если медлить слишком долго, то плоды вкусим не мы, а наши потомки.

Во-вторых, чтобы привлечь иностранцев, нам нужно отменить или изменить законы, которые могут их оттолкнуть или отвратить, особенно те, которые не позволяют им свободно въезжать и выезжать. Ведь если к ним хорошо относиться, то на каждого уехавшего приедут десять других. Им должны быть предоставлены определённые привилегии и преимущества, и должен быть установлен порядок как в отношении постов и карет для ввоза и вывоза их или их мебели и оборудования, так и в отношении их домов, средств к существованию, правосудия, полиции и торговли. Необходимо также рассмотреть вопрос о том, не будет ли целесообразным выделить им определённые места, в частности, для основания колоний.

В-третьих. Иностранные вещи, которые могут быть привезены, — это книги и инструкции по всевозможным предметам, диковинки, редкости и красивые вещи, которые можно распространять или подражать им в стране. Потребуются библиотеки, книготорговые и типографские лавки, кабинеты естественных и художественных редкостей, простые сады и зверинцы, животные, склады для всевозможных материалов и амбулатории для всевозможных работ. Как печатные, так и рукописные книги содержат в себе сокровищницу человеческих знаний на всевозможные темы, так как посредством письма и особенно печати, знания закрепляются и передаются от одного к другому, и даже потомкам. Поэтому ничем не следует пренебрегать, ведь без этого человеческая память не может дать всего столь необходимого.

В шкафах должны храниться все важные вещи, которые можно уместить в небольшие тома, и образцы редких вещей природы и искусства. Что касается природы, то здесь должны быть камни, металлы, минералы, живые или имитированные растения, высушенные или забальзамированные животные, скелеты, картины и другие имитации вещей, для которых

невозможно получить их подлинники. Раритетами искусства могут быть чертежи, модели и испытания всевозможных прекрасных изобретений, математические инструменты, трубы, зеркала, стекло, часы, картины, статуи и скульптуры, медали и другие предметы старины, словом, всё, что может наставлять и радовать; Помимо вещей, которые можно запереть в шкафах, для того чтобы иметь вещи грандиозного масштаба, необходимо разбить сады, чтобы в них росли всевозможные растения, цветы, травы и деревья, которые только может выдержать страна, с оранжереями и другими средствами, пригодными для сохранения их зимой. Нам также нужны бассейны, пруды и вольеры для всех видов зверей, птиц и рыб. И мы должны постараться размножить в стране те растения и тех животных, которые для неё характерны. На складах будет храниться большое количество всяких лекарств и материалов, которые будут хорошо расставлены и за которыми будут хорошо ухаживать.
Наконец, в стране будет большое количество обсерваторий, мельниц, магазинов, амбулаторий и рабочих домов, содержащих всевозможные машины и изобретения, которые можно эффективно использовать.

В-четвертых. Российские путешествия могут быть связаны с любопытством, торговлей или работой. Поездки из любопытства подходят как для господ, так и для ремесленников, желающих повысить свою квалификацию. Правда, последним они понадобятся меньше, если они хорошо образованы дома. Время от времени некоторые из них станут отправляться в путешествия. Торговые путешествия, как и посольские, бывают разного рода; торговые — как морские, так и сухопутные; морские — в соседние или дальние земли, на чужих судах или на своих, отдельно или в составе эскадр и флотов, для простой торговли или для основания поселений и колоний; сухопутные — каждый отдельно или караваном, в Европу, Персию, Индию или Китай. При всём этом необходимо тщательно следить за тем, чтобы добродетели и преимущества чужих стран по возможности переносились без примеси их пороков. Чтобы не приобретались дурные привычки, противоречащие благочестию, причитающемуся Богу, и послушанию, причитающемуся Монарху.

В-пятых. Обучение людей на дому заключается в создании школ и академий как для наук и искусств, так и для ремёсел. Для этого необходимо подобрать хороших учителей, которые будут заботиться о том, чтобы привести детей и молодых людей к добродетели, а также к наукам. Для этого им следует дать инструкции, а также подготовить

книги, инструменты и возможности для всевозможных занятий. Хорошо бы также, чтобы те, кому предстоит стать учёными, изучали историю, математику и языки, древнееврейский, латынь, древнегреческий и немецкий, но особенно латынь.

В-шестых. Точное знание страны состоит в том, чтобы составить её карты, отметить языки и обычаи людей её населяющих, изучить, что страна имеет и что могла бы иметь. Для составления карт нужно было бы послать инженеров, наблюдать высоту и долготу, изведать, насколько это возможно, берега на Северо-Востоке, выяснить, соединяется ли Азия с Америкой или можно ли пройти между ними, отметить небольшие реки и другие естественные границы. Что касается самой страны, то по таможенным реестрам можно узнать, что она несёт, но еще необходимо исследовать, что она могла бы нести, если бы ею пользовались как должно и если бы люди были трудолюбивы; Об этом можно судить по местности, климату, животным и растениям, которые для неё естественны, по тому, что делают её соседи, и по некоторым тестам, которые можно использовать для получения информации о ней.

В-седьмых. Чтобы восполнить то, чего стране недостаёт, мы можем сеять зерно и другие травы, сажать хорошие деревья, перевозить животных, чтобы они размножались, открывать рудники для металлов и минералов, делать стекольные, кузнечные и другие заводы, учить людей в отдаленных провинциях строить, содержать полицию, обрабатывать землю, держать стада животных, делать полезные работы, делать каналы для перевозки товаров, и осушать болота. Наконец, привести в порядок всевозможные хорошие предприятия, которые практикуются в других местах и которым можно подражать и даже совершенствовать это подражание. Но так как всё это нельзя сделать одинаково сразу, мы будем стараться делать всё по порядку и со всей возможной энергией брать и продвигать лишь лучшее…”.

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

В предложении фон Лейбница нами видим тот масляной, лоснящийся гребешок, кой принято подавать в словосочетании “рай для учёных”, переведённом с немецкого “das Paradieß der Gelehrten” прусского королевского придворного советника фон Вольфа, так характеризующего Императорскую Академию в письме профессору Леонарду Эйлеру, до которых нам лишь предстоит дойти. Любопытно, что при расхожести этого отрывка, подлинное редкое письмо 1727 года апреля месяца 20 дня отсутствует в коллекции Эрнста Эдуарда Куника и было раскрыто Глебом Константиновичем Михайловым, встречавшись лишь четыре раза в мире, в российской и германской литературе:

KURT SCHRÖDER. SAMMELBAND ZU EHREN DES 250. GEBURTSTAGES LEONHARD EULERS.

“...Ich bedauere gar sehr, dass Sie so eilfertig waren, und ich weder das Glücke gehabt mit Ihnen von verschiedenen Materien zu sprechen, als auch insonderheit zu bezeugung meiner Hochachtung für die Kays. Academie der Wissenschaften und der Freundschaft des Herrn Bernoulli mit einiger Höfflichkeit an die Hand zugehen. Sie reisen jetzt in das Paradiess der Gelehrten und ich wünsche dannhero nichts mehr, als dass Sie der Höchste auf ihrer Reise gesund erhalten und Sie lange Jahre in Petersburg ihr Vergnügen wolle finden lassen. Des Herrn Praesidis Excellence bitte mein unterthäniges Compliment zu machen und an Hn. Bülffinger, Hermann, Bernoulli, Martini, Leutmann meinen dienst. Gruss zu vermelden, auch mich in beständigem guten Andenken zu erhalten…”.

* * * *

“...Я очень сожалею, что Вы так торопились и что мне так и не посчастливилось поговорить с Вами о разных делах, в частности, выразить своё почтение Императорской Академии Наук и дружбе с господином Бернулли с некоторою большей любезностью. Теперь Вы отправляетесь в рай для ученых, и я желаю только, чтобы Всевышний хранил Вас в здравии во время Вашего путешествия и позволил Вам наслаждаться пребыванием в Петербурге в течение многих лет. Передайте мои скромные поздравления Его Превосходительству Президенту и также передайте моё почтение господам Бюльфингеру, Герману, Бернулли, Мартини и Лейтману. Прошу также хранить обо мне неизменно добрую память…”.

Не по замыслу ли фон Лейбница мы слишим фонвизинский Ив. — Yves в имени Тургенева, человеческого медвежонка из медвежьего роя, с тринадцати лет пишущего письма на французском и немецком языках, убережённые Михаилом Павловичем Алексеевым; плачущего перед обнимающим его германским слугою, улыбающегося швейцарским пастухам и танцующего кадрилы?

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ ЗАЙЦЕВ. ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА.

“...Его колыбелью оказалось Спасское, со всем своим пышным и тяжеловесным, медленным, суровым и поэтическим складом. Дом — чуть не дворец. Дворня — лакеи, горничные, казачки на побегушках, повара, конюхи, садовники, швеи, приживалки — всё это двигалось мерно и возглавлялось владыкою — Варварой Петровной. Сергей Николаевич на втором плане. Жили праздно и сытно, не без нарядности. Устраивали балы, маскарады. В одной галерее давались спектакли. Ставили пьесы и под открытым небом, в саду. Играл свой оркестр, своя крепостная труппа. Трепещущий батюшка служил по праздникам молебствия. Гувернеры и гувернантки учили детей…”
...В этом же самом роскошном доме чуть не каждый день секли будущего владельца Спасского, за всякую мелочь, за каждый пустяк. Достаточно полоумной приживалке шепнуть что-нибудь Варваре Петровне, и та собственноручно его наказывает. Он даже не понимает, за что его бьют. На его мольбы мать отвечает: “Сам знаешь, сам знаешь, за что я секу тебя”...
…“Я находился в таком страхе, в таком ужасе, что ночью решил бежать. Я уже встал, потихоньку оделся и впотемках пробрался по коридору в сени...”. Его поймал учитель, добросердечный немец, и рыдавший мальчик признался ему, что бежит потому, что не может долее сносить оскорблений и бессмысленных наказаний. Немец обнял его, обласкал и обещал заступиться. Заступился и на самом деле: его временно оставили в покое…”.

ИВ. ТУРГЕНЕВ. SLAVE 69. ОТРЫВКИ ИЗ РУКОПИСИ У-А... У.-А !

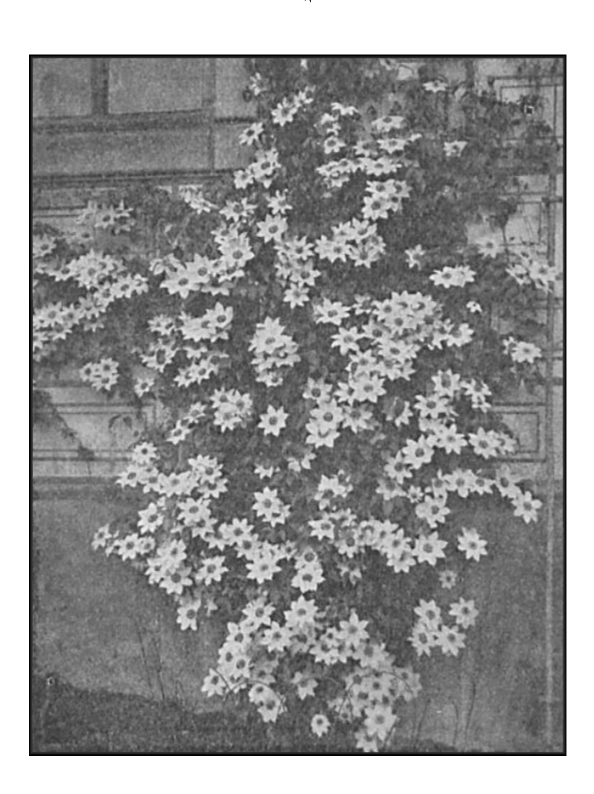
“...Я проживалъ тогда въ Швейцаріи... Я былъ очень молодъ — очень самолюбивъ — и очень одинокъ. Мне жилось тяжело — и невесело...
…шолъ я долго, сперва по дорогѣ, потом по тропинкѣ, всё выше поднимался.. все выше. Я уже давно миновалъ послѣдніе домики, послѣдніе деревья.. Камни — одни камни кругомъ, — рѣзкимъ холодомъ дышетъ на меня близкій, но уже невидимый снѣгъ, — со всѣхъ сторонъ черными клубами надвигаются ночныя тѣни —…

…Одинъ! Я одинъ! повторялъ я одинъ лицом къ лицу со смертью! Уж не пора ли? Да.. пора. Прощай, ничтожный мiр! Я отталкиваю тебя ногою!...
…Вскорѣ мелькнул предо мною трепетный огонек. Я побѣжал еще скорее — и черезъ несколько мгновений увидѣлъ низкую хижинку. Сложенныя изъ камней, съ придавленными плоскими крышами, такiя хижины служатъ по цѣлымъ недѣлям убѣжищемъ для альпийскiх пастуховъ…
…Прикорнувъ на скамейкѣ молодая женщина кормила грудью ребенка.... пастухъ, вероятно ея мужъ, сиделъ с нею рядомъ. Они оба уставились на меня.. но я ничего не могъ промолвить... я только улыбался и кивалъ головою.".

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА 1831 ГОДА ИВАНА НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ ПРАВОПИСАННОГО АЛЕКСЕЕВЫМ.

"...Милый дядя!...
…После времени обеда поехали мы с господином Лабановым к Гагариным; танцевали там кадрилы французские, старую и новую, галлопад, мазурку и экосес. Мне не так хотелось танцевать…".

*

§ VI. ИЗВЕСТИЕ О ПЕТРЕ В ПАРИЖЕ.

MARIE-ANNE CHABIN. VISITE DE PIERRE LE GRAND À L'ACADÉMIE DES SCIENCES EN 1717.

"...L'après-midi du 19 juin donc, Pierre le Grand a choisi d'assister à l'une des deux séances hebdomadaires de l'Académie royale des sciences. Tous les académiciens sont là. On lui fait voir divers instruments réalisés par les savants : "la machine à élever les eaux de M. La Faye, l'arbre de Mars de M. Lémery, le cric de Dalesme, et cetera." Faisant montre de ses propres talents, le tsar émerveille l'assemblée en travaillant sur un tour un morceau d'ivoire. Pierre y fait aussi connaissance avec l'abbé Jean-Paul Bignon, président de l'Académie et futur garde de la Bibliothèque du roi : chacun des deux hommes est frappé par la personnalité de l'autre. Le tsar quitte Paris le lendemain, laissant l'Académie des sciences très impressionnée, mais de façon très positive, par son passage. Quelques semaines plus tard, l'Académie, en la personne de son président, fait savoir au tsar son désir de le compter parmi ses membres…".

* * * *

"...19 дня июня месяца Петр I решил посетить одно из двух еженедельных заседаний Королевской Академии Наук. Там присутствовали все академики. Ему показали различные приборы, созданные учеными: "водоподъемную машину господина Ла Фея, раствор господина Лемери, домкрат Далесма и так далее". Продемонстрировав собственные таланты, Царь поразил собравшихся, обработав на токарном станке кусок слоновой кости. Пётр также познакомился с аббатом Жан-Полем Биньоном, президентом Академии и будущим хранителем библиотеки Короля: оба этих мужчины были поражены личностью друг друга. Царь покинул Париж на следующий день, оставив Академию наук под большим впечатлением, очень положительно оценив свой визит. Через несколько недель президент Академии сообщил Царю о своём желании включить его в число почётных членов Академии…".

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

1717 года декабря месяца 22 дня Королевская Академия Наук присвоила Петру почетное звание “associé étranger hors de tout”, “иностранца вне всякого звания” или “иностранца, возвышающегося над званием”, позднее же, в седьмом пункте приложения к указу 1724 года января месяца 28 дня, Пётр укажет, что название Императорской Академии обретено подобием Королевской Академии:

“…§ 7. И понеже сіе учрежденіе такой Академіи, которая въ Парижѣ обрѣтается подобно есть, кромѣ сего различія и авантажа, что сія Академія и то чинитъ, что Университету или Коллегіи чинить надлежитъ: того для я надѣюсь, что сіе зданіе удобнѣйше Академіею названо быть имѣетъ…”

И как заметил Эрнст Эдуард Куник, которому принадлежит сочинение о переписке Петра с королевским прусским придворным советником и учеником фон Лейбница Христианом фон Вольфом, Пётр выразил надежду о создании Императорской Академии именно перед королевскими академиками:

ERNST EDUARD KUNIK. BRIEFE VON CHRISTIAN WOLFF AUS DEN JAHREN 1719-1753.

“...Am 29. Mai 1717 wurde er von den Mitgliedern der k. Academie der Wissenschaften zu Paris begrüsst. Im Gespräche mit ihnen über wissenschaftliche Gegenstände drückte er die Hoffnung aus, ein solches Institut, wo die Wissenschaft gepflegt und angebaut würde, auch bald an den Ufern der Newa ins Leben rufen zu können…”.

* * * *

“...1717 года мая месяца 29 дня он был принят членами Королевской Академии наук в Париже. Обсуждая с ними научные вопросы, он выразил надежду, что такой институт, где бы культивировалась и развивалась наука, вскоре может быть создан на берегах Невы…”.

*

§ VII. ИЗВЕСТИЕ ОБ ОТНОШЕНИИ ПЕТРА С ГОЛЛАНДЦЕМ, ПОДАРИВШЕМ МИРУ ЖЕМЧУЖНОЕ СОЧИНЕНИЕ О СИБИРИ, НИКОЛААСОМ ВИТСЕНОМ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО 1706 ГОДА ЯНВАРЯ МЕСЯЦА 19 ДНЯ ФОН ВИТСЕНА ФОН ЛЕЙБНИЦУ.

“...Il est vrai, Monsieur, que parce que j'entens un peu la langue Moscovite, et que j'ay été dans ma jeunesse à la Cour de Mosco, les Etats Généraux et le Magistrat de cette ville me donnèrent la commission de recevoir et d'accompagner le Czar durant son séjour ici, et que pendant qu'il étoit logé chez moi à la Haye, ou que j'ay eu l'honneur de le voir souvent ici dans ma maison, je lui demandai beaucoup de choses touchant ses païs éloignez de Sibérie, sur quoi il me fit toujours la grâce de répondre à mes demandes curieuses…”.

* * * *

“...Это правда, господин, что, поскольку я немного понимаю московский язык и в молодости был при московском дворе, генеральные штаты и магистрат этого города поручили мне принять и сопровождать царя во время его пребывания здесь, и когда он гостил у меня в Гааге, или когда я имел честь часто видеть его в своём доме, я много расспрашивал его о далеких сибирских краях, и он всегда милостиво отвечал на мои любопытные вопрошания…”.

*

§ VIII. ИЗВЕСТИЕ О РАССЕЯННОСТИ НИКОЛААСА ВИТСЕНА.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО 1699 ГОДА ЯНВАРЯ МЕСЯЦА 22 ДНЯ ВИТСЕНА ФОН ЛЕЙБНИЦУ.

"...Ne croiez pas, Monsieur, que le grand Czar cherche des brouilleries avec la Couronné de Suède. J'ay eu l'honneur, quoi qu'indigne, d'estre familier avec S. M. C. ici, qui n'a jamais témoigné aucune rancune contre la Suède, mais bien contre les Turcs et infidèles sujets de Mahomet et je croy, si Dieu lui donne une longue vie, qu'on verra encore en son tems des actions contre les Mahométans qui feront voir combien il est intrépide et puissant, Je suis entièrement

Monsieur

Vostre très humble et très obéissant serviteur

N. Witsen...".

* * * *

"...Не думайте, государь, что Великий Царь ищет ссоры со шведской короной. Я имел честь, хотя и недостойную, быть знакомым здесь с Его Величеством Царём, который никогда не проявлял злобы против Швеции, а скорее против турок и неверных подданных Магомета, и я верю, если Бог даст ему долгую жизнь, что мы ещё увидим в его правлении действия против магометан, которые покажут, насколько он бесстрашен и могуществен.

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга

Н. Витсен...".

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

Витсен вынес это суждение за год до Северной Войны.

*

§ IX. ИЗВЕСТИЕ О ФОН ЛЕЙБНИЦЕ КАК РОССИЙСКОЙ СОЛОНЕ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ОТРЫВОК ПИСЬМА 1712 ГОДА НОЯБРЯ МЕСЯЦА ФОН ЛЕЙБНИЦА К КУРФЮРСТИНЕ СОФИИ ГАННОВЕРСКОЙ.

"...Carlsb. Nov. 1712.

A Madame l'Electrice de Bronsvic.

Madame.

V. A. Electorale aura peut être appris de Mr. de Schleiniz qui a passé au Ghörde, que le Czar a voulu que je fisse un tour au Carlsbad, pendant qu'il y seroit, et comme le temps de son séjour étoit douteux, j'ay été obligé de me hâter. J'y ai trouvé Sa M. sur le point de finir sa cure.
Il a voulu pourtant attendre quelques jours avant que de s'en aller d'icy, parce qu'il s'étoit mal trouvé l'année passée de s'être mis à voyager immédiatement après la cure. Ainsi le Czar ne partira qu'après demain, c'est à dire vendredi et il veut que je le suive à Teplitz. J'y iray avec Mr. le conte Nariskin un de ses chambellans, qui est revenu de l'Ambassade de Vienne.
Votre Altesse Electorale trouvera extraordinaire que je dois être en quelque façon le Solon de la Russie, quoique de loin, c'est à dire le Czar m'a fait dire par le conte Golofkin Son Grand Chancelier que je dois redresser les loix et projetter des réglemens sur le droit et l'administration de la justice…".

* * * *

"...К курфюрстине Бронсвик.

Дорогая госпожа, вероятно, узнала от господина де Шлейница, что Царь хотел, чтобы я совершил экскурсию в Карлсбад, пока он там находится, и так как время его пребывания было под вопросом, я был вынужден поспешить. Я застал Его Величество уже заканчивающим лечение.
Однако он хотел подождать несколько дней, прежде чем уехать отсюда, потому что в прошлом году ему не очень-то хотелось отправляться в путешествие сразу после излечения. Поэтому Царь уедет только послезавтра, то есть в пятницу, и хочет, чтобы я последовал за ним в Теплиц. Я поеду туда с графом Нарышкиным, одним из его камергеров, который вернулся из венского посольства.
Ваше Курфюрстское Высочество сочтет необыкновенным, что я должен

быть в некотором роде Солоном России, хотя и издали, то есть Царь поручил графу Головкину передать мне, своему Великому Канцлеру, что я должен исправить законы и составить проект уложения о праве и отправлении правосудия…”.

*

§ X. ЦАРСКИЙ УКАЗ О ПРИНЯТИИ ФОН ЛЕЙБНИЦА НА РОССИЙСКУЮ СЛУЖБУ.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

“...Мы Петръ Первый Црь и Самодержецъ Всероссійскій: И протчая и протчая и протчая.

Изобрѣли Мы за благо всемилтивѣйше курфирсткого и княжаго брауншвигъ люнебургуского таиного юстицърата готфида вилгелма фонъ Лейбница: за его намъ выхваленныя и отъ насъ изобрѣтенныя изрядныя достоинства и искусства такожде въ наши тайныя юстицъ раты определить и учредить, чтобъ намъ понеже Мы извѣстны, что онъ ко умножению математическихъ и иныхъ искуствъ и произыскиванию гистореи и кприращению наукъ много вспомощи можетъ, его коимѣющему нашему намѣрению, чтобъ науки и искуства внашемъ гдрствѣ ввящей цвѣтъ произошли, употребить, И мы для вышепомянутаго его чина нашего тайнаго юстицъ рата годовое жалованье по тысячи ефимковъ албе ему определить изволили, которыя ему отъ насъ ежегодно исправно заплачены быть имѣютъ и кчему мы надлежащія указы дать изволимъ, а его служба начинаетца снижеписанного числа; во уверѣние того сие за нашимъ собственным рукоподписаниемъ и гдрственною нашею печатью.

Дано вкарлсбаде, ноября въ 1 1712 году

Петръ

Графъ Головкинъ…”.

*

§ XI. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВЕДЕНИЕ ОБ УКАЗЕ ПЕТРА.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО 1712 ГОДА ПЕТРА К ГЕРЦОГУ АНТОНУ УЛЬРИХУ.

“...Вашей Свѣтлости и Любви Тайнной Совѣтник фонъ Лейбницъ приятное Ваше писаніе отъ 25 Октября вручилъ намъ исправно и вяще словесно предлагалъ, что Вы ему въ коммиссіи дать изволили. Мы Вашей Свѣтлости и Любви обязаны за доброе мнѣніе и намѣреніе, которое Вы кнамъ и интересу нашему оказуете и мы на то его Лейбницево предложеніе наше мнѣніе письменно ему объявить указали, на что мы ссылаемся и ко оказанію всѣхъ приятныхъ угодностей пребываемъ.

12 Ноября 1712

Петръ…”.

*

§ XII. ИЗВЕСТИЕ О КРОВОПУСКАНИИ ПЕТРА.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

ПИСЬМО 1716 ГОДА ИЮЛЯ МЕСЯЦА 26 ДНЯ ФОН ЛЕЙБНИЦА БЕРНУЛЛИ.

"...Ego pene integro octiduo in acidulis Pirmontanis Magni Russorum Monarchae asseclam egi, et quanto magis hujus Principis indolem perspicio, tanto eam magis admiror.
Cum acidulas Monarcha bibere decrevisset, sanguinem misit; misere et alii ex comitatu, quibus idem bibendi consilium, et inter alios sacerdos Russus, quem unum secum habet. Hujus sanguis erat omnium pessimus, subalbidus crassusque. Transacto bibendi tempore Princeps, ut est ingeniosus, experimentum profectus ex aquis sumere decrevit; sacerdotique iterum venam pertundi jussit. Allatus est sanguis emendatissimus, floridus utique et qualem a sanissimo homine expectares; affui ipse cum afferetur. Applausit Princeps non immerito, nam vix est, ut soli diaetae tam brevi temporis tam insignis mutatio adscribatur…".

* * * *

"...Я провёл почти девять целых дней в едких пирмонтских садах, сопровождая Великого Российского Монарха, и чем больше я познаю характер этого князя, тем больше я восхищаюсь им.
Когда Монарх решил испить кислое, он пустил кровь; и остальные из его свиты, кто имел сходное питьё, и среди остальных российский священник, который употребил с ним напиток, тоже пустили кровь. Его кровь была хуже остальных, белесоватой и густоватой. Когда распитие подошло к концу, князь, будучи изобретательным, решил принять успешный эксперимент с водами; и приказал священнику опять проколоть ему вену. Кровь текла как исцелённейшая, совсем та, кою ожидаешь от здорового мужа; Я присутствовал при этом. Князь рукоплескал, и заслуженно, поскольку едва возможно, чтобы столь разительная перемена произошла в одной комнатке за столь короткий отрезок времени…".

*

§ XIII. ПРЕДСМЕРТНЫЙ МЕМОРАНДУМ ФОН ЛЕЙБНИЦА О РОССИЙСКИХ КОЛЛЕГИЯХ 1716 ГОДА.

WLADIMIR IWANOWITSCH GUERRIER. LEIBNIZ IN SEINEN BEZIEHUNGEN ZU RUSSLAND UND PETER DEM GROSSEN.

“...Allerdurchlauchtigster Zaar
Allergnädigster Herr!
Gott als ein Gott der Ordnung regieret durch seine unsichtbare hand alles weisslich und ordentlich. Die Götter dieser welt, oder die Ebenbilder der Macht Gottes, ich meine die Souverainen Monarchen müssen das modell ihrer Regierung nach jener einrichten, wollen Sie anders die süssen früchte eines blühenden Reichs vor ihre grosse Mühe geniessen. Es scheinet dass Ihro Gross Zaarische Majestät von dieser warheit sattsam überzeuget seyn. Denn dero Preiswürdiger Eyfer ihre lande in eine gute Ordnung und Verfassung zu setzen ist schon aller welt bekant, und die Proben von dieser grossen Arbeit sihet Europa mit erstaunenden Augen an. Viele Gemühter werden dadurch entzündet und aufgewecket, alles beyzutragen, was sie nur erkennen zu einem so heylsamen wercke nützlich zu seyn. Ich bekenne frey dass ich unter der Zahl dererjenigen mitbegriffen bin, welche zu der wohlfarth Ihro Gross Zaarischen Majestät Reiche, alles was in ihrem Vermögen ist, alerunterthänigst zu contribuiren beflissen sind.

Ich hoffe demnach dass dieser allerunterthänigste Vorschlag, so sich in dieser Schrifft befindet, nicht als ein straffbares und kühnes unternehmen, sondern als ein begieriges Verlangen Ihro Gross Zaarische Majestät lande in einem blühenden Zustand zu sehen, von Ihro Gross Zaarischen Majestät, nach dero weltbekanten gütigkeit, allergnädigst werde angenommen werden. In solcher Hoffnung überreiche diese Blätter, mit der allertiefsten Submission, und grössten Respecte allerunterthänigst wünschend dass Gott die grossen Desseins Ihro Gross Zaarischen Majestät von oben herab segnen, und Ihro Majestät geheiligte Pèrson zum aufnehmen dero Reiche noch lange gesund und frisch erhalten wolle.

I) Die Erfahrung hat bissher sattsam bezeuget dass die Reiche und länder in keine bessre Verfassung können gebracht werden, als durch aufrichtung guter Collegiorum.
II) Solche collegia können gar füglich eingetheilet werden in haupt- und neben collegia.
III) Den wie in einer Uhr ein rad von den andern sich muss treiben lassen, also muss in der grossen Staats Uhr ein Collegium das andere treiben, und wofern alles in einer accuraten proportion und genauen Harmonie stehet, kan nichts

anders folgen, als dass der Zeiger der Klugheit dem lande glückliche Stunden zeigen werde.
IV) Gleichwie aber die Uhren differiren, indem eine mehr die andere weniger Räder erfodert, also differiren hierinn die reiche auch, und lässt sich kein gewisser numerus derer Collegiorum definiren.

V) Vor die Reiche Ihro Gross Zaarischen Majestät könten anfänglich folgende 9 Collegia als Haupträder in dero Staats Uhr angesehn werden.

I. Ein Etats-Collegium.
II. Ein Kriegs-Collegium.
III. Ein Finanzen-Collegium.
IV. Ein Policey-Collegium.
V. Justice-Collegium.
VI. Ein Commerc-Collegium.
VII. Ein Religions-Collegium.
VIII. Ein Revisions-Collegium.
IX. Ein Gelehrt-Collegium.

VI) Ein iedes dieser Collegiorum erfodert eine besondere Beschreibung und zwar:

1. Was eigentlich vor Personen zu einem solchen Collegio gehören.
2. Was ihr Ambt und Verrichtung sey.
3. Was Ihro Maj. und dero lande vor nuzen davon haben.

VII) Ich will ietzo nur das letzte collegium, nehmlich das Gelehrte, nach dieser Methode beschreiben, solten Ihro Gross Zaarische Majestät hieran ein allergnädigstes gefallen haben, so bin bereit hernach die andern auf dero allergnädigsten Befehl alleruntherthänigst aufzusetzen, ausgenommen das Etats und Kriegs Collegium.

VIII) Was nun anbetrifft die qualitäten einer person so in diesem Collegio mit seyn solte, müsste sie so beschaffen seyn das sie ihre Sache gründlich und nicht nur obenhin verstünde. Denn durch Stümpler wird einem lande nichts geholfen. So müsste zum exempel der Architectus seine Architectur in dem Grad als sie bissher einer erreichet hat verstehen, und so folglich der Medicus, der Chymicus, der Mechanicus, der Historicus etc. sein studium wovon er profession machet.

IX) Ihr Ambt und Pflicht müsste darin bestehen.

1. Seine wissenschafft nach der besten Methode zu beschreiben, und solche noch täglich zu excoliren damit noch immer neue Dinge in derselben mögen bekant werden.
2. Dahin sehen dass die Jugend im lande wohl möge unterrichtet und in allen guten wissenschaften auferzogen werden.
3. Wenn die Jugend tüchtig ist ausserhalb landes zu reissen, einen jeden zu prüfen wozu er am geschicktesten, solches alsdenn Ihro Maj. anzeigen, welche alsdenn allergnädigst befehlen werden, dass ein solcher junger Mensch den Endzweck warum er in frembde länder versendet wird observire.

X) Der Nutzen der hieraus folget ist dieser:

1. Wird dadurch die unwissenheit unvermerckt aus dem lande getrieben.
2. Kann man in zweifelhafften fällen bei einem solchen collegio sich rahts erholen.
3. Die Ausländer werden dadurch angelocket dahin zu reissen, wo so viel treffliche Männer sich befinden.
4. Die Jugend komt mit mehrern Nutzen wieder aus frembden ländern zurück und können viele Unkosten zum profit vor Ihro Maj. erspahret werden.
5. Bekommen Ihro Majestät von dero eignen nation leute in allen wissenschafften, und zwar so gut und noch wohl besser als sie in einem Orte von Europa zu finden seyn.

XI) Soll aber die Jugend im lande wohl unterrichtet und auferzogen werden so ist nöhtig dass dazu eine gute Academie angeleget werde.

XII) Hierzu wird nun erfordert:

1. ein grosses wohlangelegtes hauss, in welchem die Professores oder Praeceptores benebst deren Untergebnen commode logiren können.
2. Eine gute Bibliothec.
3. Eine Buchdruckerey…

…XVII) Wofern nun Ihro Gross Zaarische Majestät allergnädigst beliebten ein solches werck einem geschickten und verständigen Directori zu übergeben, würde verhoffentlich in wenigen Jahren unter göttlichem Seegen sich ein solcher Nutzen zeigen, welchen man hier mit der Feder nicht capabel ist auszudrücken…”.

* * * *

“...Пресветлейший Царь, Милостивый Господин!
Бог, как Бог порядка, управляет всем светлым и упорядоченным посредством своей невидимой руки. Его наместники в этом мире, я имею в виду суверенных монархов, должны строить своё правление по его подобию, если они желают насладиться сладкими плодами своих великих трудов в процветающей империи. Похоже, что Его Царское Величество хорошо убеждено в этой истине. Ибо весь мир уже узнал об этом достойном стремлении привести края Его Величества в порядок и слаженность, и Европа смотрит на пример этого великого труда с изумлёнными глазами. Таким образом, многие умы воспламеняются и пробуждаются, чтобы внести всё, что они считают полезным для столь достойного дела. Я охотно признаюсь, что принадлежу к числу тех, кто стремится внести всё, что в их силах, в дело процветания Империи Вашего Величества.

Поэтому я надеюсь, что это скромнейшее предложение, содержащееся в настоящем письме, будет принято не как наказуемое и дерзкое начинание, а скорее как горячее желание видеть страну Его Величества в процветающем состоянии со стороны известной благосклонности Его Величества. В такой надежде я с глубочайшей покорностью и величайшим уважением представляю эти листы, смиренно желая, чтобы Бог свыше благословил великие тезисы Его Царского Величества, и чтобы священная личность Его Величества долгое время сохранялась здоровою и свежею для покровительства Его Царских Краёв.

I) Опыт показал, что империи и страны не могут быть приведены в лучшее состояние иначе, чем через создание хороших коллегий.
II) Такие коллегии можно легко разделить на главные и второстепенные.
III) Ибо как и в механических часах одно колесо должно приводиться в движение другими, так и в великих государственных часах одна коллегия должна приводить в движение другую, и если всё находится в точной пропорции и точной гармонии, то не может быть ничего другого, как то, что стрелка благоразумия покажет стране счастливое времешко.
IV) Но как и часы различаются друг от друга в том, что одним требуется больше, а другим меньше колес, так и богатые люди различаются в этом отношении, и нельзя определить определённое число коллегий для них.
V) Следующие 9 коллегий могут быть первоначально рассматриваемы как главные колёса в государственных часах до восшествия Его Царского Величества.

I. Бюджетная коллегия.
II. Военная коллегия.
III. Коллегия финансов.
IV. Коллегия полиции.
V. Коллегия правосудия.
VI. Коллегия торговли.
VII. Коллегия ревизии.
VIII. Коллегия религии.
IX. Коллегия учёных.

VI) Каждая из этих коллегий требует особого описания, а именно:
I. Какие лица действительно принадлежат к такой коллегии.
II. Каковы их амбиции и обязанности.
III. Что Его Царское Величество и страна Его Величества с этого получат.

VII) Теперь я опишу по этому способу только последнюю коллегию, а именно коллегию учёных; если Его Милостивейшее Величество соблаговолит к этому, то я готов по Его Милостивому Повелению изложить и все остальные коллегии, за исключением бюджетной и военной коллегий.
VIII) Что касается качеств человека, который должен быть членом этой коллегии, то он должен быть такого характера, чтобы он понимал своё дело досконально, а не поверхностно. Ибо стране не помогут бездельники. Так, например, архитектор должен понимать свою архитектуру в той же степени, что и любой достигший этого гордого звания доныне; так же и врач, химик, механик, историк и так далее, все они должны понимать профессию, коей занимаются.

IX) Их стремление и долг должны заключаться в следующем.

I. Описывать свою науку в соответствии с наилучшим методом и ежедневно изучать её — excoliren, чтобы в ней появлялось новое знание.
II. Следить за тем, чтобы молодежь страны была хорошо обучена и воспитана всеми хорошими науками.
III. Если молодые люди способны к путешествиям за пределы страны Его Величества, то испытывать каждого на предмет того, к чему он лучше всего приспособлен, и докладывать об этом Его Величеству, которое затем милостиво распорядится, чтобы такой молодой человек соблюл конечную цель, ради которой его отправляют в чужие страны.

X) Польза, вытекающая из этого, такова:

1) Невежество таким образом незаметно изгонится из страны.
2) В случаях требующих уточнения можно будет получить помощь от такой коллегии.
3) Это привлечёт иностранцев к путешествиям туда, где так много прекрасных людей.
4) Молодежь возвратится из чужих стран с большими выгодами, и многие расходы могут быть сбережены для пользы Его Величества.
5) Его Величество получит от своего народа людей во всех науках, столь же хороших и даже лучших, чем можно найти в любом месте Европы.

XI) Если, однако, молодежь страны должна быть хорошо обучена и образована, необходимо, чтобы для этой цели была создана хорошая академия.
XII) Теперь необходимо:

1) Большой, хорошо обставленный дом, в котором могут комфортно жить профессора или учителя и их подчинённые.
2) Хорошая библиотека.
3) Печатный станок…

XVII) Если же Его Царское Величество милостиво соизволит поручить такое дело искусному и умному директору, то можно надеяться, что через несколько лет, с божественным благословением, проявится такая польза, которую невозможно выразить здесь пером…”.

*

§ XIV. УКАЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ АКАДЕМІИ.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

“...4443. — Генваря 28. Именный, объявленный изъ Сената. — Объ учрежденіи Академіи и о назначеніи для содержанія оной доходовъ таможенныхъ и лицентныхъ, собираемыхъ съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. — Съ приложеніемъ проэкта объ учрежденіи Академіи…

…§ 7. И понеже сіе учрежденіе такой Академіи, которая въ Парижѣ обрѣтается подобно есть (кромѣ сего различія и авантажа, что сія Академія и то чинитъ, что Университету или Коллегіи чинить надлежитъ): того для я надѣюсь, что сіе зданіе удобнѣйше Академіею названо быть имѣетъ…

…§ 11. Должность Академиковъ:...

…6. Каждый Академикусъ обязанъ системъ или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихся младыхъ людей изготовить; а потомъ оные имѣютъ на Императорскомъ иждивеніи на Латинскомъ языкѣ печатаны быть.
И понеже Россійскому народу не токмо въ великую пользу, но и во славу служить будетъ, когда такія книги на Россійскомъ языкѣ печатаны будутъ, того ради надлежитъ при каждомъ классѣ Академическомъ одного переводчика и при Секретарѣ одногожъ, и тако во всѣхъ четырехъ классахъ опредѣлить…

…7. Такожде и чужестраннымъ великая забава будетъ, понеже ежегодно 3 публичныя ассамблеи уставлены и отъ одного члена Академіи разговоръ изъ своей науки чиненъ будетъ и въ оной похвалы протектора (защитителя) введены будутъ…”.

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

Пускай государственное открытие Академии состоится лишь с указом самодержицы Екатерины I, однако дух повелителя, членствующего в Королевской Академии Наук, будет отражён в обложице к записям той забавы, о коей он грёзил ещё при жизни...

COMMENTARII
ACADEMIAE
SCIENTIARVM
IMPERIALIS
PETROPOLITANAE

TOMVS I.
AD ANNVM cIɔ Iɔcc xxvi.

PETROPOLI
TYPIS ACADEMIAE
cIɔ Iɔcc xxviii.

MEMOIRES
DE
L'ACADÉMIE
ROYALE
DES SCIENCES,

Depuis 1666. jusqu'à 1699.

TOME III.
PREMIERE PARTIE.

A PARIS,
PAR LA COMPAGNIE DES LIBRAIRES.

MDCC. XXXIII.
AVEC PRIVILEGE DU ROY.

В предисловии к первому изданию Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, Христиан Гольдбах писал: "...hic suis speciminibus non infleciter se imitatos putant Societatis Parisinae aliarumque industriam…" — это свидетельство подражания Королевскому Обществу Парижа и предыдущие свидетельства исчерпывающи для отражения французского сооружения в всероссийской науке.

*

§ XV. СВЕДЕНИЕ О ХАРАКТЕРЕ ПРИЗЫВАЕМЫХ ФОН ВОЛЬФОМ АКАДЕМИКОВ В РОССИЮШКУ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Изъ Петербурга просили Христіана Вольфа содѣйствовать къ приглашенію ученыхъ в открывавшуюся здѣсь Академію наукъ. Как добросовѣстно исполнялъ онъ принятое имъ на себя порученіе, то лучше всего видно изъ письма графа А. Головкина въ январѣ 1724 года: “господин Вольфъ писалъ он тогда, чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить в учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами”. Послѣ этого неудивительно, что ученые, приглашенные въ петербургскую Академію наукъ Вольфомъ, как напримѣръ Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Органъ ея дѣятельности — академическіе Комментаріи, при появленіи своемъ, встрѣтилъ лестный пріемъ у европейскихъ ученыхъ. Въ 1734 году, когда вышло только три тома этого изданія, Даніилъ Бернулли писалъ къ Эйлеру: “Не могу вамъ довольно объяснить, съ какою жадностью повсюда спрашиваютъ о петербургскихъ мемурахъ... Желательно было бы чтобы поспѣшили печатаніемъ ихъ”...”.

*

§ XVI. СВЕДЕНИЕ О ХАРАКТЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Секретарь Петра Великаго, Алексѣй Макаровъ, состоявшій при немъ много лѣтъ, сохранилъ для потомства одну “присловицу”, которую часто говоривалъ государь: “легче-де всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать”. Эту присловицу Петръ Великій осуществилъ при основаніи в Петербургѣ Академіи наукъ: онъ не обратился къ исправленію, улучшенію или распространенію существовавшихъ до того времени русскихъ училищъ, но рѣшился создать такое новое заведеніе, которое и по назначенію своему — преслѣдованіе въ одно и то же время цѣлей ученаго общества и учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ — и по составу — въ нихъ должны были быть приглашены иноземцы, незнакомые ни съ языком, ни съ нравами такого особеннаго отъ прочих европейских странъ государства, как Россія — представляло безспорно единственный примѣръ въ исторіи европейскаго просвѣщенія.
Намѣреніе Петра Великаго учредить на такомъ основаніи Академію наукъ в Петербургѣ должно отнести никакъ не позже 1720 года, такъ-какъ германскій мыслитель Вольфъ, 11 января 1721 года, уже писалъ къ царскому лейбъ-медику Блюментросту...”.

*

§ XVII. ПИСЬМО 1721 ГОДА ЯНВАРЯ МЕСЯЦА 11 ДНЯ ФОН ВОЛЬФА ЛЕЙБ-МЕДИКУ БЛЮМЕНТРОСТУ.

ERNST EDUARD KUNIK. BRIEFE VON CHRISTIAN WOLFF AUS DEN JAHREN 1719-1753.

"...HochEdelgebohrener Herr,
Sehr werther Gönner.
Ew. HochEdelgeb. Schreiben habe mit vielem Vergnügen gelesen, indem daraus ersehen, dasz Se Czarische Majestät, ein Monarch, der ein Recht hat für allen Potentaten zu denen ingeniis, welche Kunst und Wiszenschafft in Aufnahme zu bringen fähig sind, mich in Dero Dienste verlangten, wofern ich das perpetuum mobile des Orffy raei weiter zu perfectioniren gesonnen wäre. Ich kan zur Zeit noch nicht sagen, ob aus Orffyraei Rade was nützliches herauszubringen sey oder nicht; sondern weil ihm der Herr Landgraffe ein Attestatum gegeben, dasz es mit seiner Erfindung kein Betrug ist, so halte die Erfindung für würdig, dasz sie kund werde, und sage so viel, wofern daraus etwas nützliches zu bringen ist, so wird es nach diesem von einem geschickten Mathematico leicht geschehen können, gleich wie die tubi, welche anfangs in einem schlechten Stande waren, sowohl quoad theoriam als praxin nach diesem von den Mathematicis gar sehr sind verbeszert worden. Freilich aber kan zur Zeit noch nicht versprechen, dasz etwas daraus kommen kan, so im menschlichen Leben viel Nutzen schafft. Es müste aber auch Orffyraeus erst gewisze Puncte eingehen, che ihm das Geld gezahlet würde, was man mit ihm einig würde. Nemlich für allen Dingen müste er untersuchen laszen, ob die Erfindung auch in allem seine Richtigkeit hat, und ob sie auch so zu nützen stünde, wie er vorgiebt, das Geld aber müste während der Untersuchung in loco tertio deponiret seyn. Könnten Ihre Czarische Majestät hierunter meine wenigen Dienste gebrauchen, so erkenne ich es für eine hohe Freude, wenn Dieselben mich Ihrer Befehle würdigen, auch wenn ich nicht in Dero Diensten bin. Ich habe nach Caszel in dieser Sache, jedoch mit Verschweigung Sr Czarischen Majestät, geschrieben, und wil eröffnen, was für Antwort erfolgen wird, sobald ich sie erhalte. Unterdeszen erkenne die hohe Gnade Sr Czarischen Majestät mit allerunterthänigstem Dancke und Gehorsam: weil ich aber noch nicht weisz, wie es mit Orffy raeo sich tractiren laszen wird und ob die Sache tanti sein möchte, dasz höchstgedachte Czarische Majestät mich in Dero Dienste zu nehmen geruheten, so weisz ich auch nichts von den conditionibus zu schreiben. Se Kayserl. Majestät haben vor, sowohl eine Academie des Sciences, als auch eine andere dabei, wo Standes-Personen in tüchtigen Wiszenschafften könnten informiret und dabei zugleich die Aufnahme der Künste und Handwerke besorget werde, und er hat mir einige Wochen eher, als ich Dero Brieff erhalten, geschrieben, dasz Sie dabei

meiner wenigen Dienste verlangten; ich habe mich aber zur Zeit noch in keinen Tractatum eingelaszen, theils weil ich das Pro Rectorat, welches ich führe, aushalten musz, theils weil erst künfftigen Frühling die dazu nöthigen Arbeiten sollen aufgeführet werden. Herr Eberhard wird vielleicht in Petersburg angekommen sein und sein Tentamen inveniendae longitudinis offeriret haben.

Verbleibe
Ew. Hoch Edelgebohrnen
Halle, den 11. Jan. 1721.
Ergebenster Diener C. Wolff…".

* * * *

"...Благороднейший господин,
Уважаемый патрон.
Ваше превосходительство, я прочёл Ваше письмо с большим удовольствием, ибо оно показывает, что Ваше Царское Величество, Монарх, имеющий право всех держав на те способности, которые искусство и наука способны поглотить, просил моих услуг, если я буду склонен ещё более усовершенствовать вечный двигатель Орфиреуса. В данный момент я не могу сказать, получится ли что-нибудь полезное из колеса Орфиреуса; Но поскольку лорд-ландграф удостоверил его, что это изобретение не является обманом, я считаю его достойным обнародования, и скажу следующее: если из него можно извлечь что-то полезное, то это легко может быть сделано искусным математиком, подобно тому как трубки — die tubi, которые вначале были в плохом состоянии, после этого были значительно улучшены математиками как в согласии с теорией, так и с практикой. Правда, в настоящее время нет никаких надежд на то, что из этого получится что-то полезное для человеческой жизни. Кроме того, Орфиреусу придётся пойти на определённый риск, прежде чем ему выплатят оговоренную сумму. Прежде всего, он должен будет исследовать, верно ли изобретение во всех отношениях и будет ли оно так полезно, как он утверждает, а деньги на время исследования должны быть помещены на хранение в третье место. Если бы Ваше Царское Величество могло воспользоваться моими немногочисленными услугами в этом деле, я считал бы большим удовольствием, если бы меня удостоили Ваших распоряжений,

даже если я не нахожусь у Вас на службе. Я написал по этому поводу в Кассель, но с утайкой от Вашего Царского Величества, и сообщу Вам ответ, как только его получу. Высокую милость Вашего Императорского Величества признаю с покорнейшею благодарностью и повиновением: но так как я ещё не знаю, как сложатся дела с Вашим Величеством, и будет ли дело настолько равносильно, что Вашему Императорскому Величеству угодно будет принять меня на Вашу службу, то я не знаю, о чем писать в кондициях. Ваше Императорское Величество намерено учредить Академию наук, где бы знатные особы могли обучаться искусным наукам и в то же время был бы организован приём искусств и ремесел, и Ваше Величество писало мне несколькими неделями раньше, что вам требуются мои немногочисленные услуги; Однако в настоящее время я ещё не вступил ни в один трактат, отчасти потому, что мне приходится терпеть проректорство, которое я занимаю, а отчасти потому, что необходимые работы должны быть выполнены не раньше следующей весны. Господин Эберхард, возможно, уже приедет в Петербург и предложит себя в попытке решить эту проблему…”.

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

Ещё в 1720 году фон Вольф писал, что сохранилось в Архиве бывшей Канцелярии Академии Наук, что изобретениями пастора Эберхарда, ученика фон Вольфа, надлежит пользоваться:

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Понеже, съ предоставленіемъ титула господинъ пасторъ Эбергардъ отъ меня требовалъ, дабы я ему разсужденіе свое объ изобрѣтеніи его длины моря объяснилъ...
…И тако надлежитъ изобрѣтенными отъ господина Эбергарда инструменты на морѣ пробы чинить. Галлъ. Іюня 15 дня 1720…
…К. Волфъ, королевскій прусскій придворный совѣтникъ…”.

*

§ XVIII. СВЕДЕНИЕ ОБ ОТНОШЕНИИ ЛЕЙБ-МЕДИКА БЛЮМЕНТРОСТА С ФОН ВОЛЬФОМ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“…Блюментростъ велъ обширную переписку съ разными европейскими учеными, а также нашими министрами при иностранныхъ дворахъ касательно приглашенія членовъ во вновь учрежденную Академію наукъ. Все это отчасти можно видѣть изъ обнародованной переписки Блюментроста съ германскимъ философомъ Вольфомъ…”.

*

§ XIX. ОТРЫВОК ПИСЬМА 1725 ГОДА МАРТА МЕСЯЦА 19 ДНЯ БЛЮМЕНТРОСТА ХРИСТИАНУ ВОЛЬФУ.

ERNST EDUARD KUNIK. BRIEFE VON CHRISTIAN WOLFF AUS DEN JAHREN 1719-1753.

“...Dasz Ew. Wohlgeb. daran werden Theil genommen haben, will ich nicht zweifeln, indem mehr als einmal durch Dero Briefe versichert worden, dasz Sie sich jederzeit der Akademie Interesse, wann Sie auch gleich nicht sollten hierein kommen wollen, lassen angelegen seyn…”.

* * * *

“...Я не сомневаюсь, что Ваше Превосходительство примет в этом участие, так как меня не раз уверяли в Ваших письмах, что Вы постоянно интересуетесь Академией, даже если не желаете сюда приезжать…”.

*

§ XX. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ ЛЕЙБ-МЕДИКА БЛЮМЕНТРОСТА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

"...При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пользовался особенною благосклонностью двора пасторъ Нѣмецкой слободы въ Москвѣ Іоганнъ-Готфридъ Грегоріусъ: онъ перелагалъ въ театральныя мистеріи разныя библейскія событія, какъ напримѣръ приключенія Есеири и Мардохея, и ставилъ ихъ, при помощи нѣкоторыхъ сыновей бояръ, на сцену въ царскомъ дворцѣ. Грегоріусъ былъ пасынкомъ доктора Лаврентія Блюментроста, пользовавшегося извѣстностью въ своемъ родномъ городѣ Мюльгаузенѣ, и когда царь, будучи боленъ, спросилъ Грегоріуса, не можетъ ли онъ рекомендовать ему хорошаго нѣмецкаго медика, то тотъ указалъ на Блюментроста. Въ уцѣлѣвшей до нынѣ пригласительной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, от 12 марта 1667 года, написано къ Блюментросту: "вѣдомо намъ учинилось, что ты хощешь нашіе государскіе милости и жалованья къ себѣ поискати, пріѣхать къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, и тебѣ бы, дохтуру, ѣхати къ намъ... вскорѣ съ пастором со Іоанномъ Гофритомъ...". Блюментростъ-отецъ, прибывъ въ Москву въ 1688 году, не покидалъ ее до смерти своего въ 1705 году. Живя уже въ Россіи, онъ былъ женатъ два раза, и отъ послѣдняго брака у него родились сыновья: въ 1679 году Іоганнъ-Деодатъ, въ послѣдствіи архіатеръ и начальникъ медицинской части въ Россіи, и въ 1692 году Лаврентій, которому суждено было открыть Академію наукъ въ Петербургѣ и быть ея первымъ президентомъ.
Лаврентій Блюментростъ, въ бытность свою въ Москвѣ, учился языкамъ латинскому и греческому сначала у отца своего, который былъ не только докторомъ, но и свѣдующимъ, какъ говорилось тогда, въ гуманіорахъ, а потомъ ему между прочимъ преподавалъ науки магистръ Паузе. Послѣдній управлялъ нѣкоторое время извѣстною въ Москвѣ школою пастора Глюка, гдѣ также учился и молодой Блюментростъ. У него рано развились способности, такъ что, будучи пятнадцати лѣтъ, онъ уже слышалъ медицинскія лекціи въ гальскомъ университетѣ. Изъ Галле Блюментростъ отправился продолжать занятія въ оксфорскій университетъ, но скоро потомъ переѣхалъ въ Голландію, привлеченный славою Бургаве. Блюментростъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію медицины подъ руководствомъ этой знаменитости и получилъ при немъ въ Лейденѣ званіе доктора. По возвращеніи въ Россію въ 1714 году, Петръ Великій назначилъ его лейбъ-медикомъ при любимой сестрѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ. Въ 1715 году Блюментросту поручено было сдѣлать описаніе болѣзни государя,

которое онъ и долженъ былъ потомъ лично сообщить извѣстнѣйшимъ меликамъ въ Европѣ, чтобы лично узнать ихъ мненія по этому предмету. Со времени этого порученія, Блюментростъ обратилъ на себя особенное вниманіе Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ онъ дѣлается замѣтнымъ при царскомъ дворѣ…
...12 января 1717 года онъ писалъ царскому лейбъ-медику Арескину, что уже пять мѣсяцевъ изучаетъ въ Парижѣ анатомію у того же самаго наставника, у котораго учился и Арескинъ — Дювернуа…
…Въ рукописныхъ примѣчаніяхъ къ біографіи Блюментроста есть извѣстіе, что онъ старался объ образованіи одного своего служителя, который потомъ вышел из крѣпостного званія, что для того времени было особенною рѣдкостью, и получилъ место, сообразное его знаніямъ. Въ Исторіи медицины Рихтера питомцемъ Блюментроста, наслѣдовавшимъ его библіотеку, названъ лекарь Адріанъ Татариновъ, получившій званіе доктора изъ геттингенскаго университета in absentia…".

*

§ XXI. ИЗВЕСТИЕ О ПОМОЩНИКЕ БЛЮМЕНТРОСТА ДАНИЛЕ ШУМАХЕРЕ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

"…Арескинъ умеръ в 1718 году и Лаврентій Блюментростъ тотчасъ уже вступилъ въ званіе лейбъ-медика при царѣ, и, кромѣ того, ему было ввѣрено управленіе императорскою библіотекою и кунсткамерою. Ближайшимъ его помощникомъ по исполненію этой послѣдней должности был Іоганнъ-Даніилъ Шумахеръ…".

*

§ XXII. СВЕДЕНИЕ 1724 ГОДА ЯНВАРЯ МЕСЯЦА 1 ДНЯ О НАЗНАЧЕНИИ ДАНИЛЫ ШУМАХЕРА БИБЛИОТЕКАРЕМ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

"...По именному Е. И. В. указу, съ библіотекаремъ Шумахеромъ таковъ контрактъ сочиненъ:

Обязуется оный библіотекарь, Данило Шумахеръ, библіотеку и кунстъ-камору въ своемъ правленіи имѣть, какъ въ библіотекѣ, такъ и въ кунстъ-каморѣ все порядочно содержать, въ библіотекѣ книгамъ, а въ кунст-каморѣ обрѣтающимся разнымъ вещамъ каталоги учредить; такожде, дондеже академія размножится, при оной секретарское дѣло править. А противъ того, по именному жъ Е. И. В. указу, обѣщается оному библіотекарю, Данилѣ Шумахеру, жалованье по осми сотъ рублевъ на годъ, которое давано будетъ впередъ за годъ, какъ и протчимъ членамъ академіи. Такожде квартиру, дрова и свѣчи свободныя давать сего 1724 году генваря съ 1 числа.
Laurentius Blumentrost...".

*

§ XXIII. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ ДАНИЛЫ ШУМАХЕРА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Шумахер сначала учился въ гимназіи роднаго своего города Кольмара, въ Эльзасѣ, а потомъ, въ 1707 году, поступивъ въ стразбургскій университетъ, сталъ преимущественно заниматься словесностью, также известною как die schonen Wissenschaft, потому что чувствовал въ себѣ особенное призванie къ поэзіи. Философскія лекціи онъ посѣщалъ неохотно, а математическія науки изучалъ мимоходомъ, такъ какъ главнѣйше обращалъ вниманіе на юриспруденцію и богословіе, въ надеждѣ занять современемъ въ университетѣ кафедру по предмету которой либо изъ этихъ наукъ. Въ 1771 году, Шумахеръ защищалъ представленную имъ на полученіе, степени диссертацію De Deo, mundo et anima и удостоился званія магистра и laurea poetica. Затѣмъ онъ продолжалъ посѣхлопоталъ даже о его попугаѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ мастеръ, выписанный изъ-за границы для переплета царскихъ книгъ, то Шумахеръ прежде всего велѣлъ ему сдѣлать великолѣпные переплеты на книги лейб-медика, а потомъ уже далъ работу въ казенной библіотекѣ. Любопытно, что онъ самъ съ особенною торжественностью даетъ о томъ отчетъ своему начальнику.

О томъ, что случилось послѣ смерти Арескина съ Шумахеромъ, он такъ разсказываетъ самъ въ рукописномъ “Житіѣ”: “Послѣ смерти Арескина въ 1719 году, просилъ я абшита, но господинъ Блюментростъ, что нынѣ статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и который тогда опредѣленъ былъ на мѣсто доктора Арескина первымъ лейбъ-медикомъ и директоромъ библіотеки и кунсткамеры его величества, не хотелъ меня отпустить, либо по тому пріятству, которое ко мнѣ имѣлъ, либо для знанія моего обо всемъ, что въ библіотекѣ и кунсткамерѣ находилось, или больше для того, что секретъ о сохраненіи анатомическихъ препаратовъ, который государь императоръ Петръ Великій у доктора Рюйша вмѣстѣ съ его анатомическимъ кабинетомъ купилъ, в моихъ рукахъ бывалъ, и того ради предложилъ мнѣ весьма полезныя кондиціи для удержанія меня въ службѣ его императорскаго величества. Увидѣвши онъ, что я своего намѣренія перемѣнить не хотелъ, предложилъ онъ мнѣ, чтобъ вмѣсто абшиту взялъ на шесть мѣсяцевъ позволеніе. Я на то согласился и подалъ его императорскому величеству свое прошеніе, на которое его величество не токмо всемилостивѣйше соизволилъ, но еще сверхъ того три коммиссіи мнѣ поручилъ:

1) чтобъ въ парижскую Академію наукъ отвесть благодарительное его величества письмо и новосочиненную карту Каспійскаго моря.
2) чтобы сыскать ученыхъ людей которые бы желали определѣться въ службу его величества для корреспондѣнціи, которую его величество намѣренъ былъ содержать съ помянутою Академіею, яко членъ оныя, и
3) чтобъ осмотрѣть какъ публичныя, такъ и приватныхъ людей библіотеки и кунсткамеры для лучшаго расположенія и умноженія собственной его величества библіотеки и кунтскамеры, для которой его величество приказалъ особливыя и изрядныя палаты на Васильевскомъ острову построить. Получивши все, что мнѣ на дорогу надобно было, такожх письма, карту и инструкцію, намѣренъ я былъ на другой день отѣхать; но сей великій монархъ, которыя соизволилъ изъ своихъ рукъ пожаловать мнѣ невѣсту, которыя родителей его величество тогда отмѣнною милостію призирать изволилъ, а именно его величество сговорилъ за меня въ самый тотъ день большую дочь-кюхенмейстера Яна Фельтена....

Когда его величество, будучи въ персидскомъ походѣ, увѣдомленъ былъ о возвратномъ моемъ прибытии въ Санкт-петербургъ, то немедленно присланъ былъ отъ его величества къ тогдашнему интенданту надъ строеніями Ульяну Якимовичу Синявину собственноручный указъ, чтобъ строенія и украшенія кунсткамеры исполнить по моему указанію. Толикое было сего монарха желаніе, чтобъ видѣть немедленно въ совершенствѣ то, что онъ началъ!

По прибытии его величества въ Санктпетербургх, учинилъ я по его величеству обстоятельный репортъ о моемъ пути, и по разсмотрѣніи онаго, его величество приказал господину Блюментросту подать себѣ вѣдомость о тѣхъ ученыхъ людяхъ, которые по его мнѣнію надобны къ исполненію принятаго отъ его величества намѣренія. Онъ представилъ его величеству пять человѣк а именно: одного для астрономіи, одного для ботаники и исторіи натуральной и одного для химіи. Его величество, разсуждая о семъ числѣ, спросилъ у господина Блюментроста: сколько ещё надобно людей для учрежденія Академіи наукъ, И какъ он объявилъ, что надлежитъ токмо къ прежнимъ прибавить еще четырехъ или пять человѣкъ, то его величество приказалъ ему сочинить о томъ проектъ, который и аппробованъ былъ отъ его величества въ 1724 году. Сіе есть подлинное начало санктпетербургской Академіи!...”.

*

§ XXIV. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ БРАТЬЕВ БЕРНУЛЛИ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Въ 1724 году, по внушеніямъ германскаго философа Вольфа, началась переписка между Іоганномъ Бернулли и лейбъ-медикомъ Блюментростомъ о приглашеніи въ петербургскую Академію наукъ Даніила Бернулли, младшаго брата Николая. Живя дружно между собою, братья не хотѣли разставаться, а потому когда ученый, первоначально изъявившій согласіе занять въ Академіи кафедру механики, отказался, то вмѣсто него и былъ вызван Николай Бернулли…
…Оба брата прибыли въ Петербургъ 27 октября 1725 года…”.

*

§ XXV. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВЕДЕНИЕ ОТ 1724 ГОДА ОКТЯБРЯ МЕСЯЦА 21 ДНЯ О ПРИЗЫВЕ БЕРНУЛЛИ НА ИМПЕРАТОРСКУЮ СЛУЖБУ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Господинъ Доппельмейеръ, изъ Нириберга, отъ 22-го іюля, подъ кувертомъ господина М. Семлерса пишетъ, что онъ мѣста при академіи акцентовать не можетъ. Однако онъ знает весьма преизряднаго человѣка, а именно — Николая Бернулліуса, славнаго Иоганна Бернулли сына, который не усумнится службу принять, ежели онъ усмотритъ, что оная ему полезна. Онъ желает вѣдать, ужели въ Петербургѣ die emersiones et immersiones primi satellitis Jovis, чтобъ того положеніе географ прямо установить, примѣтили? Какъ велика полюса высота и обсерваціи отъ деклинаціи и прочаго...”.

*

§ XXVI. ИЗВЕСТИЕ О СМЕРТИ НИКОЛАЯ БЕРНУЛЛИ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, Николай Бернулли занемогъ и умеръ 29 іюля 1726 года отъ нарыва во внутренностяхъ, как это оказалось по скрытіи трупа. Три дня спустя происходило торжественное засѣданіе въ Академіи, на которомъ присутствовала императрица Екатерина. Узнавъ о кончинѣ академика, оно подозвала къ себѣ его брата и въ милостивыхъ выраженіяхъ утѣшала его въ понесенной имъ утратѣ...”

*

§ XXVII. ПИСЬМО 1726 ГОДА ДАНИИЛА БЕРНУЛЛИ ЛЕОНАРДУ ЭЙЛЕРУ.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Нѣсколько месяцевъ тому назадъ, я писалъ къ вамъ по приказанію нашего президента господина Блюментроста и отъ его имени приглашалъ васъ занять мѣсто адъюнкта въ нашей Академии съ жалованьемъ по 200 рублей в годъ…”.

*

§ XXVIII. ИЗВЕСТИЕ О ПРИБЫТИИ ЛЕОНАРДА ЭЙЛЕРА, ПИСАННОЕ ГЕРМАНСКИМ ИСТОРИКОМ МАТЕМАТИКИ.

HERMANN VON FELIX MÜLLER-FRIEDENAU. NUNQUAM OTIOSUS. LEOPOLDINA. AMTLICHES ORGAN DER KAISERLICHEN LEOPOL-DINISCH-CAROLINISCHEN DEUTSCHEN AKADEMIE DER NATUR-FORSCHER.

“...Leonhard Euler wurde am 15. April 1707 zu Basel als Sohn eines Predigers geboren. Da sein Vater Paul Euler im Jahre 1708 eine Pfarrstelle zu Riehen bei Basel annahm, so wuchs der junge Leonhard auf dem Lande auf und erhielt den ersten Unterricht von seinem Vater, der ein sehr kenntnisreicher Mann war und neben den theologischen Studien auch mathematische Vorlesungen bei Jakob Bernoulli besucht hatte.

Von ihm wurde der Sohn in die Elemente der Mathematik eingeführt. Später besuchte Leonhard die Schule zu Basel, an der Johann Burckhardt den mathematischen Unterricht gab. Am 9. Oktober 1720 wurde der junge Euler an der Universität Basel inskribiert, um auf Wunsch des Vaters Theologie zu studieren.

Daneben hatte er Musse genug, sich mathematischen Studien hinzugeben, in denen er von Johann Bernoulli auf das wohlwollendste unterstützt und gefördert wurde. Durch den freundschaftlichen Umgang mit den beiden Söhnen Johann Bernoullis, Nicolaus und Daniel, wurde die Vorliebe für die Mathematik so sehr bestärkt, dass Leonhard Euler seinen Vater bat, das Studium der Theologie mit dem der Mathematik vertauschen zu dürfen. Der Vater, welcher selbst diese Wissenschaft liebte, gab dem dringenden Wunsche nach.

Auf Grund einer Dissertation „Comparatio philosophiae Cartesianae et Neutonianae" erwarb Leonhard Euler am 8. Juni 1724 den Grad eines Magister philosophiae. Als seine Freunde Nicolaus und Daniel Bernoulli im Jahre 1726 an die Akademie zu Petersburg als Professoren der Mathematik berufen waren, ermunterten sie Euler, seine mathematischen Kenntnisse auf die Physiologie anzuwenden, in der Hoffnung, ihn als Professor der Physiologie für Petersburg zu gewinnen. Nach dem frühzeitigen, am 26. Juli 1726 erfolgten Tode des älteren der beiden Brüder erhielt Euler die Aufforderung, als Adjunkt der mathematischen Klasse nach Petersburg zu kommen. Euler wäre zunächst gern in der Heimat geblieben.

Schon im Jahre 1727 erhielt Euler für eine Preisarbeit: „Sur la matûre des vaisseaux" das Akzessit der Pariser Akademie.

Als Jakob Hermann 1730 Petersburg verliess, um in die Heimat zurückzukehren, erhielt Leonhard Euler die erledigte Professur der theoretischen und experimentellen Physik an der Petersburger…".

* * * *

“...Леонард Эйлер родился в 1707 году апреля месяца 15 дня в Базеле, в семье проповедника. Поскольку его отец Пауль Эйлер в 1708 году стал пастором в Риене под Базелем, юный Леонард рос в деревне и получал первые уроки от отца, который был очень сведущим человеком и, помимо богословных занятий, посещал математические лекции Якоба Бернулли и был другом семьи Бернулли. Пауль познакомил сына с основами математики. Позже Леонард посещал школу в Базеле, где математику преподавал Иоганн Буркхардт. 1720 года октября месяца 9 дня, по просьбе отца, молодой Эйлер поступил в Базельский университет, чтобы изучать богословие.

У него также было достаточно свободного времени, чтобы посвятить себя математическим занятиям, в которых его очень поддерживал и поощрял отец. Дружеское общение с двумя сыновьями брата Якоба Бернулли, Николаем и Даниилом, настолько укрепило его любовь к математике, что Леонард попросил отца разрешить ему поменять изучение богословия на математику. Отец, который и сам любил эту науку, удовлетворил его просьбу.

На основании диссертации, называемой “Сравнение ньютоновской и картезианской философии” — “Comparatio philosophiae Cartesianae et Neutonianae”, 1724 года июня месяца 8 дня Леонарду Эйлеру была присвоена степень магистра философии. Когда в 1726 году его друзья Николай и Даниил Бернулли были назначены профессорами математики в Императорской Академии Петрополя, они посоветовали Эйлеру применить свои математические знания к физиологии, в надежде привлечь его к работе в качестве профессора физиологии в Петербурге. После преждевременной смерти старшего из братьев, 1726 года июля месяца 26 дня Эйлера попросили приехать в Санкт-Петербург в качестве адъюнкт-профессора математики. Поначалу Эйлер хотел бы остаться дома.

1727 года февраля месяца 18 дня он подал заявку с диссертацией под названием “De natura, productione et propagatione soni” на кафедру физики в Базеле, которая стала вакантной после смерти профессора. Однако, когда на эту должность был избран другой человек, Эйлер отправился в Санкт-Петербург. К сожалению, в тот же день, когда Эйлер пересек российскую границу, 17 мая 1727 года, умерла императрица Екатерина I. Поскольку Петр II, её престольный императорский преемник, не проявлял интереса к наукам и развитию Академии, Эйлеру посоветовали поступить на службу в российский флот в качестве корабельного лейтенанта.

Уже в 1727 году Эйлеру была присуждена премия за работу “О созревании сосудов”, удостоенную премии Королевской Академии в Париже.

Когда в 1730 году Якоб Герман, ученик Якоба Бернулли, покинул Санкт-Петербург, чтобы вернуться на родину, Леонард Эйлер получил вакантное звание профессора теоретической и экспериментальной физики в математическом обществе Петрополя...”.

*

§ XXIX. ИЗВЕСТИЕ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА О СОСТОЯНИИ АКАДЕМИИ КО ВРЕМЕНИ ПРИБЫТИЯ ЛЕОНАРДА ЭЙЛЕРА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Екатерина I скончалась въ день прибытія въ Петербургъ Эйлера, то есть 6 мая 1727 года, и знаменитый математикъ сохранилъ извѣстіе, что онъ нашелъ тогда всю академію въ величайшемъ страхѣ.

Едва Петръ II отправился со дворомъ въ Москву, Академія наукъ съ опустѣвшею гимназіею, такъ-какъ всѣ, кто только имѣлъ малѣйшую возможность выѣхать изъ нелюбимаго тогда Петербурга, покидали его съ семействами своими, была предоставлена на произволъ судьбы и усерднаго, но деспотическаго секретаря президента Шумахера. Самъ же Блюментростъ послѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Первымъ послѣдствіемъ такого положенія для ученаго общества был недостатокъ въ деньгахъ. Проходили мѣсяцы, а назначенная на Академію сумма не выдавалась, отчего происходила задержка въ выдачѣ жалованья и въ уплатѣ необходимыхъ расходовъ. Испуганный Шумахеръ умолялъ Блюментроста похлопотать о деньгахъ, но къ его напоминаніямъ были глухи въ Москвѣ: еще въ августѣ 1728 году въ Академіи не было получено ни копейки изъ денегъ, слѣдовавшихъ ей на тотъ годъ, и Шумахер писалъ президенту: “я почти не смѣю сказать никому слова — всѣ недовольны. Назначеніе денегъ, ожидаемое этими господами, опять успокоитъ ихъ. Только въ ноябрѣ сказаннаго года стали получать академики ассигновки на слѣдующіе имъ деньги, но и тутъ дѣло не обошлось безъ затрудненій: ассигновки были написаны на имя торговаго дома Люпса, который, по рѣдкости тогда денегъ, затруднялся в платежахъ.

Кромѣ того, опредѣлены были граверы и живописцы и даны имъ ученики, отчего образовались палаты гравировальная и рисовальная. Такое учреждение мастерскихъ и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ были поводомъ къ постояннымъ и сильным жалобамъ академиковъ на Шумахера, такъ-какъ они видѣли въ этихъ именно учрежденіяхъ единственную причину разстройства хозяйственной части Академіи.

По возвращеніи изъ Москвы в Петербургъ, Блюментростъ подавалъ, 25 іюля 1732 году, на имя императрицы представленіе, въ которомъ въ первыхъ статьяхъ говорилось обстоятельно о необходимости и пользѣ обученія молодыхъ людей; также — о полученіи въ Академію изъ коллегій

свѣдѣній, касающихся наукъ, и о присылкѣ геодезистовъ для сочиненія карты Россіи...".

*

§ XXX. ИЗВЕСТИЕ О СМЕРТИ ЛЕОНАРДА ЭЙЛЕРА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

"...Леонардъ Эйлеръ погребенъ на смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ могилою его воздвигнуть, на счетъ Академіи наукъ, памятникъ съ надписью: "Leonhardo Eulero Academia Petropolitana"...".

*

§ XXXI. СВЕДЕНИЯ О ПОТОМКАХ ЭЙЛЕРА, ПИСАННЫЕ ШВЕЙЦАРСКИМ БИБЛИОТЕКАРЕМ, ЗАЩИТИВШИМ ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЦЮРИХА ОБ ИСТОРИИ ШВЕЙЦАРЦЕВ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЛУЖБЕ ПЕТРОПОЛЯ.

RUDOLF MUMENTHALER. SCHWEIZER IN ST. PETERSBURG VON 1703 BIS 1917.

"...Wie für die Wissenschaftler bestand auch für Ärzte schon und vor allem im 18. Jahrhundert ein grosser Bedarf im Zarenreich. Sie fanden in St. Petersburg die besten Arbeitsbedingungen und Verdienstmöglichkeiten vor. Etwa ein Drittel der Schweizer Ärzte im Zarenreich wirkten in der Hauptstadt. Zu ihnen gehörte Karl Euler, ein weiterer Sohn von Leonhard Euler. In mehreren Briefen beneidete Johann Albrecht Euler seinen Bruder Karl um seinen Beruf als Heilkünstler. Sein Einkommen war sehr hoch, und er konnte stets mit Geschenken zufriedener Patienten rechnen." Niklaus Fuss verglich die materiellen Aussichten eines Mathematikers mit denjenigen eines Arztes: Ausser an ein paar wenigen Akademien gäbe es keine Verdienstmöglichkeiten für Messkünstler.

„Dahingegen der geschickte Arzt allerorten Brod findet, und zwar hier vorzüglich reichlich…
Der Anfang ist freylich, wie allerorten und in allen Dingen, schwer. Ein Ankömmling, der nicht mächtige Empfehlungen hat, kann höchstens eine Gouvernements- oder Divisionsarztstelle erwarten, deren jene 300 R., diese 800 R. Gehalt abwirft, und nun kommt es darauf an, ob in der Stadt und der umliegenden Gegend, wo er seine Residenz aufschlagen muss, genereuser Adel oder reiche Kaufmannschaft ansässig ist, die ihm dann, wenn er erst die Sprache etwas gelernt und sich Zutrauen erworben hat, seine Bemühungen reichlich vergüten. Auch pflegen reiche Edelleute, die sich auf ihren Gütern aufhalten, Hausärzte zu halten, und mit 600, 800, auch wol 1000 R. und freyer Station zu besolden; solche Stellen bey Particuliers führen aber nicht weiter und dienen bloss zu Wartestellen, die man behält, bis man etwas besseres findet, nachdem man sich Bekanntschaften erworben hat."

Diese Einschätzung teilte der Luzerner Arzt Heinrich Ludwig Attenhofer in seiner zwischen 1808 und 1815 entstandenen Medizinischen Topographie der Haupt- und Residenzstadt St. Petersburg: Im Staatsdienst sei immer eine Stelle frei, und man konnte sich für eine Anstellung als Hausarzt bewerben. „Unter 300 Ärzten, die sich in St. Petersburg befinden sollen, lebt Keiner in Armuth, wohl Einige im Überfluss. 29 Auch Attenhofer selbst begann seine Karriere im Staatsdienst,

nämlich als leitender Arzt im Kalinkin-Hospital. Während den Napoleonischen Kriegen wirkte er in einem Militärspital. Danach übertrag man ihm die Stelle eines Armenarztes im Stadtbezirk von Petersburg. Sein Gehalt besserte er mit wohlhabenden Privatpatienten aus der höchsten Gesellschaft auf…".

* * * *

"...Как и в случае с учёными, в Царской Империи, особенно в XVIII веке, был большой спрос на врачей. Лучшие условия работы и возможности заработка они находили в Санкт-Петербурге. Около трети швейцарских врачей в Царской Империи работали в столице. Среди них был Карл Эйлер, еще один сын Леонарда Эйлера. В нескольких письмах Иоганн Альбрехт Эйлер завидовал своему брату Карлу за его профессию лекаря. Его доходы были очень высоки, и он всегда мог рассчитывать на подарки от довольных пациентов. Николаус Фусс сравнил материальные перспективы математика с перспективами врача: за исключением нескольких академий, у метрологов не было никаких возможностей заработать деньги.

"...С другой стороны, искусный врач везде находит хлеб, а здесь его особенно много… Начало, конечно, как и везде и во всем, трудное. Новичок, не имеющий влиятельных рекомендаций, может рассчитывать, самое большее, на должность губернского или дивизионного врача, за которую платят 300 рублей, а за вторую — 800 рублей. Теперь все зависит от того, является ли город и окрестности, где ему предстоит поселиться, домом для общей знати или богатых купцов, которые, как только он выучит язык и завоюет их доверие, щедро вознаградят его за труды. Богатые дворяне, живущие в своих поместьях, также имеют обыкновение держать домашних врачей и платить им 600, 800, даже 1000 рублей и бесплатную палату; однако такие должности у искателей наживы не ведут ни к чему дальнейшему и служат просто местом ожидания, которое человек занимает до тех пор, пока не найдёт что-нибудь получше после того, как заведёт знакомства..."

Эту оценку разделял люцернский врач Генрих Людвиг Аттенхофер в своей "Медицинской топографии столичного и жилого города Санкт-Петербурга", написанной между 1808 и 1815 годами: "на государственной службе всегда были вакансии, и можно было претендовать на должность семейного врача: среди 300 врачей, которые, как говорят, есть в Санкт-Петербурге, ни один не живет в бедности, но некоторые живут в изобилии...". Сам Аттенхофер также начал свою карьеру на государственной службе, а именно в качестве

главного врача Калинкинской больницы. Во время наполеоновских войн он работал в военном госпитале. После этого он получил должность врача для бедных в городском округе Санкт-Петербурга. Свое жалованье он пополнял за счет богатых частных пациентов из высшего общества...".

*

§ XXXII. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ МИЛЛЕРА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

"...Мюллеръ родился 18 октября 1705 года въ Герфордѣ, гдѣ отецъ его Томасъ Мюллеръ, въ продолженіе сорока лѣтъ, былъ ректоромъ въ гимназіи; учился сначала въ этомъ заведеніи, а потомъ съ 1721 года — въ Ринтельнѣ, и съ 1724 года — въ университетѣ въ Лейпцигѣ. Здѣсь онъ былъ лично извѣстенъ издателю Acta eruditorum Менке и пользовался его библіотекою. При учрежденіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, Менке рекомендовалъ туда дѣятельнаго сотрудника своего по сейчасъ названному изданію, Іоганна-Петра Коля, который былъ принятъ академикомъ въ Петербургъ въ 1725 году. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда, Коль сталъ вызывать въ Россію и Мюллера. "Такъ-какъ я, писалъ къ нему Коль, обѣщалъ вамъ передъ моимъ отѣздомъ сообщить нѣсколько извѣстій отсюда, то не хочу тѣмъ менѣе медлить этимъ, что тотчасъ примѣтилъ, что здѣсь при скоромъ открытіи Академіи потребуется еще нѣсколько студентовъ, изучавшихъ гуманіоры... я считаю васъ способнѣйшимъ къ тому передъ прочими и сильно желаю имѣть васъ около себя. Могу васъ увѣрить, что мнѣ въ Петербургѣ также хорошо, какъ и въ Германіи. Crede mihi: non poenitebit huc venisse. Библіотека здѣсь превосходная. Nihil deest hic ad altiora venisse"... Въ другомъ письмѣ Коль радуется, что Мюллеръ рѣшился ѣхать: въ Петербургъ и, называя Шумахера очень образованнымъ человѣкомъ, говоритъ Мюллеру: "вы можете современемъ сдѣлаться библіотекаремъ. Crede mihi!...

При опредѣленіи Мюллера въ Академію въ званіе студента, ему назначено было 100 рублей на путевыя издержки и 200 рублей въ годъ жалованья. Въ Петербургъ онъ прибылъ 5 ноября 1725 года и 1726-1727 годы провелъ въ посѣщені академическихъ засѣданій и преподаваніи латинскаго языка, исторіи и географіи въ академической гимназіи. Въ періодъ времени отъ 1728 до половины 1730 года, подъ наблюденіем Мюллера печатались разныя академическія изданія.

В началѣ 1729 года, Мюллеръ ведетъ протоколы академическихъ засѣданій и канцеляріи, а также иностранную переписку, пишетъ Санктпетербургскія Вѣдомости и Примѣчанія къ нимъ, держитъ корректуру въ типографіи, въ особенности нѣемецкаго лексикона и выдаетъ книги изъ библіотеки.
Въ особенности заслуживаютъ внимані тогдашніе труды Мюллера по русской журналистикѣ: составляя изъ иностранныхъ газетъ Санктпетербургскія Вѣдомости, онъ придумалъ прилагать къ нимъ Примѣчанія заключавшіяся сначала въ подробныхъ объясненіяхъ тѣхъ мѣстъ въ Вѣдомостяхъ, которыя могли казаться темными или не совсѣмъ понятными для современныхъ читателей. Съ теченіемъ времени, въ составленіи такихъ Примѣчаній стали принимать участіе и другіе члены Академіи, и тогда появились тамъ и самостоятельные статьи, изложенныя по возможности доступно для большинства читателей. "Съ наступленіемъ 1728 года, разсказываетъ самъ Мюллеръ, на меняф было возложено составленіе Вѣдомостей. Я завѣдывалъ ими до половины 1730 года и вмѣстѣ съ тѣмъ издавалъ Примѣчанія къ Вѣдомостямъ, которыя въ первый годъ предназначалъ только для русскихъ читателей, но потомъ, убѣжденный въ хорошемъ пріемѣ этихъ Примѣчаній, не дѣлалъ болѣе никакихъ затрудненій къ печатанію ихъ и на нѣмецкомъ языкѣ.
Занятія Мюллера были таковы, что онъ сдѣлался какъ бы помощникомъ Шумахера, который въ это время оказывалъ ему безграничную довѣренность, такъ-что когда онъ въ концѣ 1729 года уѣхалъ въ Москву, то Мюллеръ, по управленію академическими дѣлами, занималъ его мѣсто.
Въ 1730 году Мюллеръ отправился заграницу для устройства домашнихъ дѣлъ послѣ смерти отца. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему даны были от Академіи, или вѣрнѣе сказать отъ Шумахера порученія касательно сбыта академическихъ изданій и гравюръ за границею, пріисканія на службу въ Россію ученыхъ, граверовъ и прочихъ. Во время путешествія Мюллера, Шумахеръ продолжалъ съ нимъ вести переписку, и въ одномъ письмѣ 2 января 1731 года, между прочимъ, сообщая ему, что безъ него Санктпетербургскія Вѣдомости составляются Крамеромъ, прибавлял: "но на мой вкусъ они были бы пріятнѣе, когда бы проходили чрезъ ваши руки. Поэтому и для вашей выгоды я бы очень желалъ, чтобы вы поспѣшили какъ возможно скорѣе вашимъ возвращеніемъ, потому что велѣно нѣкоторымъ профессорамъ давать уроки ея высочеству принцессѣ мекленбургской и въ особенности въ исторіи и географіи, къ которымъ она чрезвычайно склонна, а потому васъ почти невозможно здѣсь обойти".
Мюллеръ вернулся въ Петербургъ не ранѣе 2 августа 1731 года. Тотчасъ по возвращеніи сюда, онъ примѣтилъ въ Шумахерѣ большую перемѣну в отношеніе къ себѣ:

вместо прежней довѣрчивости, тотъ высказывалъ къ нему холодность и скрытность. Кромѣ того, Мюллеръ нашелъ в казенной квартирѣ своей шкафъ, въ которомъ у него была заперта вся его переписка, вскрытымъ, и всѣ письма Шумахера, которыя онъ писал изъ Москвы, вынутыми...”.

*

§ XXXIII. ИЗВЕСТИЕ О ПРИШЕСТВИИ ИОГАННА ГЕОРГА ГМЕЛИНА.

ПЁТР ПЕКАРСКИЙ. ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

“...Гмелинъ родился 12 августа 1709 года въ Тюбингенѣ, гдѣ отецъ его былъ аптекаремъ, польховавшимся извѣстностію знатока не только по своей специальности, но также химіи, металлургіи и пробирнаго искусства. Молодой Гмелинъ получилъ окончательное воспитаніе въ тюбингенскомъ университетѣ по медицинскому факультету. За тѣмъ Гмелинъ, по совѣту академика Бильфингера, рѣшился отправиться въ Петебургъ, куда и прибылъ 30 августа того же года. Отецъ его послалъ съ нимъ письмо изъ Тюбингена, въ которомъ писалъ къ президенту Академіи Блюментросту: “сюда отправляются два молодыхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мой сынъ, а другой — Христіанъ Готлибъ Швентеръ, родомъ изъ Дитфурта въ Панненгеймѣ. Я покорнѣйше рекомендую ихъ обоихъ вашему превосходительству. Что касается до перваго, то я также почтительнѣйше приношу вамъ благодарность за показанную вами, по рекомендаціи господина Бильфингера благосклонность к нему, и желаю, чтобы ваше превосходительство нашли его достойнымъ принять съ признательностью высокую милость.... Такъ-какъ мнѣ извѣстно, что по смерти господина Бюргера нѣтъ при Академіи химика, то полагаю, что мой сынъ и господин Швентеръ очень въ состояніи занять это мѣсто, что ваше превосходительство можете рѣшить лучше всего сами”.

Хотя послѣ смерти Бюргера, разсказываетъ Мюллеръ, кафедра его оставалась незанятою, однако къ чему служитъ химія безъ лабораторіи? а къ учрежденію ея не было никакой надежды. Вмѣсто этого, Гмелинъ оказывалъ услуги по натуральной исторіи, въ которой онъ пріобрѣлъ хорошія знанія въ Тюбингенѣ. Императорскую кунсткамеру и натуральный кабинетъ надобно было привести въ порядомъ, къ чему Гмелинъ владѣлъ всѣми нужными свѣдѣніями, а это самое помогло ему снова еще тверже узнать натуральный исторію.

При снаряженіи въ 1732 году камчатской экспедиціи, Академія наукъ назначила туда Гмелина въ качествѣ натуралиста, и зимою 1733 года онъ уже началъ было готовиться къ поѣздкѣ, как вдругъ у него сдѣлалось

такое сильное разстройство печени, что окружающіе его скоро убѣдились, что онъ не въ состояніи будетъ предпринять такое дальнее странствіе. Тогда вмѣсто него вызвался ѣхать въ Сибирь академикъ Мюллеръ. Когда же всѣ приготовленія приходили почти къ концу, Гмелинъ неожиданно выздоровѣлъ и выразилъ желаніе участвовать въ экспедиціи. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія сената, послѣдовалъ оттуда, 11 іюня 1733 года, указъ, чтобы Гмелина отправить въ Сибири на томъ же основаніи, какъ это было рѣшено прежде. Отправившись изъ Петербурга 19 августа 1733 года, они въ 1736 году достигли Якутска. Здѣсь, 8 ноября, въ домѣ, въ которомъ жилъ Гмелинъ, случился пожаръ, когда академикъ былъ съ Мюллеромъ въ гостяхъ у Беринга. Объ этом событіи самъ Гмелинъ такъ разсказывалъ въ донесеніи къ президенту Академіи наукъ: "мы всѣ, сколько насъ ни было, къ тому дому побѣжали, но понеже того дома уже половина сгорѣла, того ради къ нему приступить никакъ не возможно было какъ бы что нибудь изъ огня выхватить; но ни слуга мой, который въ домѣ оставленъ былъ, ни солдатъ караульный, прежде моего прибѣгу, хотя бы маленькую какую вещь, которыя при мнѣ въ домѣ имѣлися, изъ дому унести могли, для того что такъ великій и скорый былъ пожаръ, что и то все, что въ сѣняхъ лежало, огнемъ сгорѣло, только едино платье, которое на мнѣ было, осталось". Какъ Сенатъ, такъ и Академія поспѣшили исполнить всѣ требованія Гмелина, что для него было не малымъ утѣшеніемх вх понесенныхъ потеряхъ.
Указъ о разрѣшеніи Гмелину вернуться въ Петербургъ состоялся 24 іюля 1742 года, и онъ прибылъ въ Петербургъ 16 февраля 1743 года...".

* * * *

СОЧИНИТЕЛЕВО ПРИМЕЧАНИЕ.

Наконец, замысел фон Лейбница, выраженный в сочинении 1697 года Лефорту и был отражён в сведении о характере призываемых фон Вольфом академиков в Императорскую Академии, даже малые обсуждения которых стали редким и желанным обретением среди остальных европейцев.

“...1. Создать общее учреждение для наук и искусств.
2. Привлечь способных иностранцев.
3. Привнести иностранные вещи, которые этого заслуживают.
4. Заставить подданных путешествовать с соответствующими мерами предосторожности.
5. Обучать людей на дому.
6. Составить точные отчеты о стране, чтобы понять её потребности.
7. Восполнить то, чего ей не хватает…”,

“...господин Вольфъ писалъ он тогда, чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить в учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами…”,

“...Даніилъ Бернулли писалъ къ Эйлеру: “Не могу вамъ довольно объяснить, съ какою жадностью повсюда спрашиваютъ о петербургскихъ мемурахъ... Желательно было бы чтобы поспѣшили печатаніемъ ихъ…”.

*

После того, как наша блестящая, вороная страна рассеялась туманно и белесовато, нашей следующей потерей стало Рождество, и ничто так глубоко не ревёт об этом, как отсутствие ценных сочинений о его известиях — призываю сочинить!

МОСКВА И МОСКВИЧИ. ОТРЫВКИ ИЗ ДВУХ МОСКОВСКИХЪ БАЛОВ ВЪ 1801 ГОДУ. ЗАПИСКИ БОГДАНА ИЛЬИЧА БѢЛЬСКАГО.

“...Отправляясь передъ Рождествомъ на свою родину, онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ ним вмѣстѣ, повести въ Москвѣ Святки и посмотрѣть, какъ погуливаютъ тамъ наши старики.
— Эхъ, братецъ, — говорилъ онъ, — вы здѣсь не знаете, что такое веселье. Погляди-ка, любезный, какъ тѣшутся у насъ въ Москвѣ. По два, по три бала въ вечеръ, домашніе театры, обѣды, катанья; у Медокса въ маскерадѣ биткомъ набито, въ благородномъ собраніи давка; однимъ словомъ, такая гульба, братецъ, что когда придетъ великій постъ, так всѣ въ растяжку лежатъ...”

*

ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ ЛАПИН. ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ 1818 ГОДА.

“...Рождество Христово. Пообѣдавъ, былъ у Покровскаго, где вальсировали и чай пили. Послѣ съ Николаем Слесаревым катались по улице на его лошади и пели песни... Потомъ на кулачный бой, а съ бою ходили по улицѣ — я, Николай Покровский и Павел — и песни пели и насъ городничій позвалъ къ себѣ, чтоб мы спели песенку, чтобъ послушали находящіеся у него дамы; и мы тамъ пели: “желания наши совершились”, “стремлюсь к тебе всечасно” и “гер брудер, их виль митъ диръ васъ шпрехенъ”, где насъ очень благодарили и по двѣ чашки чаю насъ снабдили...”

*

АЛЕКСАНДР ОСИПОВИЧ КОРНИЛОВИЧ. ПИСЬМО 1831 ДЕКАБРЯ МЕСЯЦА 10 ДНЯ.

“...Приложенное письмецо отправь къ маменьке. Вы, верно, всѣ съѣдетесь къ ней на праздники. Вспомните ли обо мнѣ, когда будете переламывать облатки?

Я ребенкомъ съ какимъ всегда нетерпением ждалъ, бывало, этого торжествѣннаго вечѣра, когда въ семейном кругу, за кутьею, мы встречали праздникъ Рождества Христова. Дождусь ли еще на своем вѣку этой радости? Едва ли! Дай Богъ всемъ вамъ здоровья и веселія...”

*

ПЁТР ПАВЛОВИЧ ЕРШОВ. ОТРЫВОК ПИСЬМА 1845 ГОДА ЯНВАРЯ МЕСЯЦА 7 ДНЯ ИЗ ВОСПОМИНАНІЯ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ТОВАРИЩА ЕГО, А. К. ЯРОСЛАВЦОВА.

“...Что до меня, то никогда я не проводилъ праздниковъ скучнѣе нынѣшнихъ. Къ тому же визиты на второй день Рождества наградили меня лихорадкой, и когда другіе тряслись въ танцах, меня трясло въ постели. Надѣялся было на дни послѣ новаго года: по крайней мѣрѣ, говорю себѣ, хоть полюбуюсь на маскированныхъ. А надобно тебѣ знать, что въ Тобольскѣ, съ незапамятныхъ временъ, хранится обычай — начиная съ новаго года до сочельника одѣваться и ѣздить по домамъ...”

*

ПЁТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ. ПИСЬМО 1819 ГОДА.

“...Я себя называю природнымъ русскимъ поэтомъ потому, что копаюсь все на своей землѣ. Болѣе или менѣе ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонскій Петербургъ, петербургское Рождество и прочѣе, и прочѣе; вотъ что я пою...”

*

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ 1860 ГОДА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА.

“...Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, как и теперь, были временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохранились въ эти дни завѣтные обряды язычества. Въ навечеріе рождества Христова бѣгали по городу или по селу и кликали коледу и усень, или таусень; в навечеріе Богоявленія кликали пугу.

Эти обычаи наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и в столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пьянство доходило до бесчинства, тутъ-то чаще происходили кулачные бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдеи, отправлявшіе предъ праздникомъ действо чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды..."

*

ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСОК БАРОНА И ВПОСЛЕДСТВИИ ГРАФА МОДЕСТА АНДРЕЕВИЧА КОРФА.

"...При императорѣ Николаѣ постоянно соблюдался обычай устраивать во дворцѣ елки наканунѣ Рождества. Въ 1843-мъ г. къ той, которая была назначена для великой княжны Александры Николаевны, государь, между другими подарками, приказалъ привязать — и ея жениха. Можно представить себѣ, сколько смѣху, при входѣ въ залу, возбудила собою эта оригинальная идея! Императоръ Александръ II замѣтил: "Никогда объ этомъ не слыхалъ; впрочемъ, меня здѣсь не было"..."

